

Николай Марчук

Вольные стрелки

Николай Марчук

Вольные стрелки

«Автор»

2024

Марчук Н.

Вольные стрелки / Н. Марчук — «Автор», 2024

Я, Григорий Петрович Чехов, военнослужащий 10 ОДШБ, летом 2023 года, в ходе выполнения боевого задания в зоне СВО героически погиб. Наша группа столкнулась с вражеской ДРГ, завязался бой, я выносил раненых боевых товарищей и погиб. В себя пришел в гостиничном номере, где на полу лежал труп, в ванне лежал связанный негр, а надо мной стоял какой-то ушлепок с пистолетом в руках, на стене календарь за 1981 года, а за окном африканские пейзажи. Оказалось, что я попал в тело своего отца, погибшего в Африке в 1981 году, где он выполнял свой интернациональный долг в качестве военного советника.

© Марчук Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Марчук

Вольные стрелки

Пролог

Как же тяжело...

Черт возьми, как же тяжело!!!

Глаза залиты потом и кровью из рассеченного лба. Руки онемели и потеряли чувствительность, пальцы не ощущаются совсем, будто бы их и нет вовсе. Каждые пять-семь секунд нервно озираюсь назад, чтобы убедиться, что по-прежнему тащу раненых Креста и Финика. Парни здоровые, каждый под центнер весом, плюс на обоих еще что-то из обвеса что-то осталось, с Креста даже броник не сняли. Тут одного попробуй утащи. Порой вчетвером тащишь носилки с «трехсотым» и то упахиваешься как мул до кровавого пота и радужных пятен перед глазами. А сейчас я тащу сразу двоих, ухватил их за транспортировочные лямки на спине и ручки брезентовых носилок. Дернул на морально-волевых и попер тащить пацанов, вынося из красной зоны из-под обстрела. Как прошел первые два десятка шагов, не понял, просто рванул и попер. Видимо на адреналине.

Падла, как же тяжело...

Тяжело переставляю ноги, будто они отлиты из свинца или вытесаны из гранитного монолита. Пальцы намертво схватились за лямки, хрен их теперь разогнешь. Руки вывернуты назад. Из ощущений только жжение внизу как будто бы кипяток стекает по ногам в ботинки.

Шаг, упор ноги, отталкиваюсь, снова шаг, опять упор ноги. Тащу двоих раненых за лямки. Уже не чувствуя ничего. Глаза залиты кровью, я не вижу дороги. Есть только шаг вперед, еще один. Надо идти, надо тащить, надо шагать. Парни сами себя не вытащат, они ранены. Есть только я. Надо пройти вперед, совсем чуть-чуть. Пару шагов еще. А там свои! Кто-то да встретит. Надо пройти совсем чуть-чуть.

Сквозь шум в ушах и дикую боль во всем теле слышу, что вокруг рвутся мины, гремят взрывы, но мне по фиг, я иду, тащу пацанов к своим. Волоку сынков в безопасный тыл...

Спина настолько онемела от боли, что стала невесомой. Я не чувствую ни рук, ни ног. Я не вижу куда иду. Даже оборачиваясь, чтобы поглядеть не оторвались ли мои руки, уже не вижу бритые головы Креста и Финика, которых тащу к своим.

Я стал невесомым, я стал легким...

– Глобус! Глобус! – слышу сквозь кровавую пелену тумана. – Петрович, всё, всё отпускай. Отпускай тебе говорят!

– Ы-ыыы, – пытаюсь я что-то сказать, но вместо членораздельной речи из моего рта вырывается только глупое мычание. – Ы-ыыы!!!

Даже говорить и то больно, как будто во рот насыпали песка и заставили его прожевать.

– Полежу чутка, отдышусь, – шепчу я, мешком валясь на землю.

Меня подхватили, начали стягивать бронежилет, амуницию. Я ничего не вижу, кровавый туман застилал глаза.

– Глобус! Старина, это Жак, всё нормально. Ты дотащил их, всё нормально! Пацаны живы...Финик жив!

Я чувствую, как чем-то влажным мне обтирают лицо, ноги подгибаются и меня бережно опускают на землю.

– Жак? Жак? Не могу понять, куда ранен Глобус, – слышу над головой обеспокоенный голос Жакета, помощника Дока. – У него обе ноги всё в крови, а раны нет? Все целое.

– Твою мать! – ругается надо мной Жак. – У него похоже от напряжения артерия лопнула. Ебанный в рот...

Жак хороший мужик, отличный медик, верный товарищ, хорошую мне мазь от геморроя посоветовал, но материться много. Нельзя так, надо стараться меньше ругаться, все-таки ему уже под сраку лет и вокруг много молодых парней, которые берут с него пример. Оно понятно, что война вокруг и не до сантиментов, а на войне матом не ругаются на нем тут разговаривают, но все же...

Мне стало легко и свободно. Боль прошла. Чертовски хорошо, будто лежишь дома в теплой ванне. За дверью слышно, как бегают малышня по дому. Приехал в гости старший сын со своими детьми, моими внуками. Жена готовит на кухне пирог, в духовке доходит мясо. Я еще немного полежу в горячей воде и выйду к своей семье. Родные встретили батюку, вернувшегося с фронта. Как же хорошо дома!

Как же хорошо.

Я умер...

Глава 1

Шуршание и раздраженный бубнеж на английском заставил открыть глаза. Я лежал на постели, а прямо перед мной, буквально в паре метров, повернувшись ко мне спиной стоял какой-то тип, который ковырялся в раскрытом пластиковом дипломате. Вещи, вытащенные из дипломата, валяются на полу, на столе разложены бумаги, кошелек, ручные часы, деньги...

Деньги? В глаза бросились разномастные банкноты экзотической наружности и пестрой окраски с негром в очках. Это точно не российские рубли и не американские доллары.

Черт! А где это я оказался?

Гостиница? Хостел?!

Обстановка поражала своим аскетизмом и одновременно тщательно подобранным стилем, кто-то старательно собрал в одной комнате олдскульные вещи из 80-ых: древние бумажные обои на стенах с одинаковым принтом, вытертый коврик посередине комнаты, деревянный обшарпанный стол с круглой столешницей, низкое кресло, древний торшер без абажура с лампой накаливания и в довершение бумажный календарь на стене на котором огромными цифрами написано – 1981 год!

Еще мне видна плитка бледно голубого цвета, которой облицованы стены в ванной комнате. Был виден совершенно дремучий унитаз и сливной чугунный бачок расположенный высоко под потолком на длинной железной трубе со свисающей вниз цепочкой слива. Всё настолько убого и стремно, но при этом не выглядит старым, что создаётся впечатление, что я попал в жилище сорокалетней давности. Куда-то в начало 80-ых, когда народ еще не слышал о унитазах-компакт, светодиодных лампочках и мебели, собранной из ЛДСП.

Это ж надо кто-то замарочился и расстарался, чтобы стилизовать обстановку под такую древность. Не хватает только бобинного магнитофона и черно-белого телевизора с рогатой антенной, причем крышка телевизора обязательно должна быть накрыта вязанной салфеткой.

– Месье, а кого хрена тут происходит? – почему-то обратился я к незнакомцу на французском. – Вы случайно номером не ошиблись? Или это я к вам по пьяни завалился?

Говорить было тяжело, язык с трудом ворочался в онемевшем рту, десны, щеки и челюсти онемели, будто бы от укола анестезии стоматолога. Я что еще и умудрился к зубному врачу попасть?

Незнакомец дернулся, испуганно подскочил, резко развернулся одновременно хватая пистолет, лежавший на столе. Я хоть и чувствовал себя хреново, но инстинкты, вбитые в моё тело на войне, работали отдельно от моего затуманенного мозга. Ударил незнакомца ногой, пнув его в пах, подскочил с кровати, на которой до этого лежал абсолютно голый, ухватил со стола квадратную бутылку виски и ткнул её горлышком в рот парня с пистолетом. Рот незнакомца был удивленно раззявлен, поэтому бутылочное горлышко вошло в открытый рот без проблем. Парень почему-то заорал как резанный, поперхнулся хлынувшим в его глотку алкоголем, выронил пистолет, оттолкнул меня и рванул прочь из комнаты в сторону открытой двери, ведущей в ванную комнату.

Я аккуратно подобрал пистолет с пола, подивившись незнакомой моделью, весьма похожей на оружие Никулина из фильма «Бриллиантовая рука». Добежать парень до ванны не успел, он пошатнулся, споткнулся и упал на пол, начав биться в конвульсиях.

– Парень? Парень? Ты чего?! – я подскочил к незнакомцу, перевернул его на бок, потому что у него из рта хлынула пена неестественного кремового цвета.

– Что за фигня?! Да, что с тобой, черт возьми?!

Молодого человека били конвульсии, пальцы скрючились, лицо посинело, а из-за рта вырывались хлопья пены.

Я рванул к прикроватному столику, на котором стоял дисковый телефон. Столик расположился с противоположной стороны двухспальной кровати, на которой я до этого валялся. Надо срочно вызвать «Скорую помощь», похоже у незнакомца то ли эпилептический приступ, то ли какая-то аллергическая реакция. Я не Жак в подобной симптоматике не разбираюсь.

– Твою мать?! – испуганно отпрыгнул я, чуть было не налетев на лежащую на полу девушку. – Да, что же это такое происходит?! Кто ты?

Девушка не ответила, потому что была мертва. Стекланные глаза неестественно округлены, глазные яблоки ощутимо вылезли из своих орбит. Рот открыт, а шея и грудь испачканы рвотными выделениями и засохшей пеной. На темной коже лица выделялись сведенные параличом светлые скулы. Только сейчас я обратил внимание, что девушка была абсолютно голая, да к тому же еще и негритянкой. Да-да, негритянкой! Или африканкой? Черт его знает, как правильно говорить?

Мертвая женщина в одном номере со мной. Голая мертвая женщина в одном номере со мной! Кстати, а я ведь тоже совершенно гол. Где моя одежда?! На полу, возле стола валялась скомканная одежда: пиджак, брюки, майка, рубаша, трусы, носки и туфли.

Да, что здесь происходит?! Куда я попал? Где это я вчера так знатно забухал, что проснулся голый в гостишке с мертвой бабой и каким-то чудиком с пистолетом в руках.

Стоп?!

Твою мать...

Я же ничего не помню. Совсем ничего! Последнее воспоминание – это я тащу за лямки двоих «трехсотых» вытаскивая их из красной зоны. Мы шли группой в тыл к чубатым и нарвались на такую же ДРГ идущие встречный курсом. Короткая перестрелка! Креста и Финика сразу же скосило, я бросился их вытаскивать, а Псих и Бамут прикрывали отход.

Всё!

А нет, стоп, вспомнил, последнее – это голос Жака, нашего медика, который говорил, что у меня от перенапряжения разрыв артерий. А потом, я открываю глаза и уже лежу голый на кровати, а рядом стоит какой-то пацанчик и роется в дипломате.

Сука, это что ж надо было такое пить, чтобы ни хрена не вспомнить? И почему я оказался голый в номере, да еще и с голой, мертвой негритянкой?! Жена узнает, она меня на хрен убьет! Твою ж мать!

Мысль о жене и её реакции на увиденное в гостиничном номере вызвало у меня приступ паники. Что делать? Как разрулить такой эпичный косяк? Как?! Что же такое придумать, чтобы выпутаться из всего этого?

Я схватил себя за голову, помассировал ладонями лицо, чтобы хоть как-то разогнать кровь и стимулировать мыслительную деятельность.

Не понял? А это что такое?! У меня что усы? Усы?!

Я ощутил под пальцами рук приличных размеров усы у себя под носом. Усы я принципиально не ношу, могу не бриться какое-то время, зарастая, как мачо или чмо, тут у каждого свои критерии, но, чтобы сбрить растительность на подбородке и щеках, оставив усы – такого со мной никогда не было.

Я растерянно завертел головой выискивая зеркало на стене, потом мазнул взглядом по столу и тумбочке, в надежде увидеть мобильный телефон. Мой взгляд споткнулся о лежащего на полу паренька.

Твою мать! Я же хотел вызвать «Скорую». А тут труп негритянки сбил меня с толку. А еще эти усы на моем лице. Ёпта, какой все-таки эпичный залет!

– Эй, парень, тебе не полегчало? – спросил я лежащего на полу.

Смыкнул его рукой за плечо и тут же испуганно одернул руку. Парень явно был мертв, его лицо сковала предсмертная гримаса, лицо посинело, превратившись по окрасу в баклажан, а скулы, наоборот побелели и явной выделяясь на фоне остальной синюшной расцветки лица.

Кстати, очень похоже на гримасу и расцветку лица мертвой негритянки. У покойника прокушена нижняя губа, кровь стекла тонкой струйкой на подбородок, который перемазан пеной, обильно выступившей из-за рта. Охренеть!

Сука, два трупа в одном гостиничном номере со мной. Это что ж такого произошло вчера, что я ни хрена не помню? Стоп! А что я вообще помню? Что я помню последнее? Я вновь начал катать тяжелые мысли в своей голове пытаюсь хоть что-то вспомнить. Нет, ничего нового! Лишь одни взрывы повсюду, я тащу раненых, мне очень тяжело и голос Жака, когда силы покидают меня. Вот и всё, как не старайся больше ничего вспомнить не получилось.

Жутко захотелось пить. Я было кинулся к стоявшим на столе бутылкам, но потом глянул на лежащие на полу трупы. Причиной смерти стал яд, тут к бабке не ходи. Значит ничего со стола брать нельзя, а уж тем более пить или есть. Пацанчик скорее всего помер вследствие того, что я ему сунул в рот бутылку с виски, он его ненароком хлебнул и отравился. Похоже ядом была заряжена именно бутылка с виски. Это что ж получается, что я его и убил? Твою-жжж мать!!

Осторожно поднял бутылку с пола, тщательно протер её носовым платком, потом сунул бутылку в руки мертвеца и старательно обмачал стекло его пальцами. Не знаю останутся после этого на стекле его отпечатки пальцев, но уж точно будет лучше, если там будут мои.

Надо срочно выпить воды, а то от этого сушняка во рту ощущение наждака и голова очень сильно болит. Дернул ручку двери ведущий по всей видимости в ванную комнату, напыюсь водой из-под крана. Паренек которого я напоил ядом, когда подбегал в ванне с разгону врезался в дверь и она захлопнулась.

– Твою маму! – испуганно вскрикнул я.

Ванная комната небольшая – два на два метра. Справа ванна, слева унитаз, между ними раковина с зеркалом.

В ванне лежит связанный чернокожий генерал с кляпом во рту. Из-за кляпа генерал мычит и стонет, а из-за того, что он черный, как сажа, то его в темноте не видно. Падла, напугал!

Клацнул выключателем и обалденно замер. Нет не от вида генерала в ванне, к тому же при свете электрической лампочки под потолком стало видно, что никакой он не генерал, а всего лишь швейцар в убого расшитом мундире. Замер я от того, кого увидел в отражение зеркала. Из зеркала на меня смотрел мой отец. Да-да! Именно мой отец – Петр Андреевич Котов. Изображение было точь-в-точь как на фото из старого семейного альбома, хранившегося у матери. На том фото отцу было 30 лет. Сделано оно было перед той самой командировкой в Африку, из которой он спустя несколько лет вернулся домой в гробу. Мне тогда было всего два года.

Этого не может быть! Не может быть!

Я вышел из ванной комнаты, хладнокровно переступил через мертвое тело на полу, подошел к окну и осторожно выглянул через занавеску.

Твою-жжж за ногу!

Земля красного цвета, обилие тропической растительности, стайка чернокожих босоногих ребятишек в минимуме одежды, да еще и корова, привязанная к пальме с огромными, исполинскими рогами. Ватусси – пронеслось в голове, кажется так кличут этих африканских коров.

Варианта два: либо я сплю, либо за окном Африка. Хотя если я и сплю, то мне снится, что я попал в Африку.

А почему всё такое старое и древнее, как из прошлого, 20 века? Ладно Африка, хрен с ней, но где, мать их мобильные телефоны? Почему в комнате четыре человека, пусть и два из них покойники и нет ни одного мобиляника?

Взгляд уперся в календарь на стене – 1981 год. 81 год прошлого столетия? Это как?! Из зеркала на меня смотрит мой отец, на стене календарь сорокалетней давности, за окном Африка...

Подошел к календарю и тщательно его осмотрел. Ага вот мелким шрифтом написано: кто и когда его напечатал. Судя из надписи на английском отпечатан, этот календарь в типографии в 1980 году. Аху..ть!

Это что ж получается? Получается...

Что? Что я умер и попал в тело своего отца в 1981 год, когда тот сам умер вследствие отравления агента иностранной разведки. Так, что ли?

Я ошарашенно сел на край кровати, обхватил голову руками и крепко-крепко зажмурился. Сейчас открою глаза, а там стены и потолок военного госпиталя в Ростове или Москве, куда я попал после ранения. Просидел минут пять старательно жмуря глаза и давя руками на голову. Осторожно открыл один глаз...нет, ничего не изменилось. Убогий гостиничный номер, два трупа на полу, разбросанные вещи на столе и календарь за 1981 год на стене.

Стоп!

Давайте рассуждать логически боец Глобус.

Давайте!

Если это сон, то со временем я проснусь, правильно?

Правильно! А если ты придурок после ранения лежишь в коме, то тебе этот сон может сниться неделями, а то и месяцами.

Ну и что? Сон, он сон и есть. Все равно когда-нибудь проснусь.

Вон на полу лежит пистолет этого пацаненка, возьми его и шмальни себе в висок, сразу станет понятно сон это или нет. Если после выстрела в висок все так же и будешь жить, значит точно сон, а если помрешь, то не сон.

Дебил? Иди в жопу с такими советами!

Что боишься, ссыкло!

Я проигнорировал подначки внутреннего голоса и попробовал принять мысль, что я, погибнув в 2023 году переродился в теле своего отца в 1981 году. Если это правда, то перспектива так себе, надо сказать. Во-первых, я в одном номере с двумя трупами, во-вторых, я в Африке, в-третьих, я в начале 80-ых прошлого века. То есть в чужом теле, в чужой стране, в чужое время! Это всё минусы!

Теперь плюсы. Я жив...я жив. Всё! А нет, есть еще один плюс – в 2023 году мне было 45 лет и у меня был букет разных хронических болячек, вследствие резкого обострения одной из них, я, собственно говоря, и помер истекая кровью, а сейчас мне – тридцать лет и насколько я знаю из рассказов матери у меня отменное здоровье, потому что отец не злоупотреблял вредными привычками и регулярно занимался спортом. То есть я стал моложе и здоровее, но при этом угодил в прошлое, да еще и в Африку.

Мысль от того, что я попал в прошлое повергла в шок. Я сел на кровать и на секунду замер, пытаюсь собрать роящиеся мысли в голове. Что делать? Что?

Бежать в ближайшее российское, тьфу, советское консульство? Ну, вроде бы логично. Паспорт у меня есть. Я – советский гражданин, у меня есть права, за спиной огромная империя, которую уважает и боится весь мир. Приду в консульство, расскажу всё как было: дескать траванули, потерял память, ничего не помню. Вернут в СССР, ну, а дальше...

А что дальше?

Я любитель книг, стараюсь читать много и часто, причем не только фантастику, но и детективы, всякие там шпионские, боевики, ну и классику очень уважаю, причем не только советскую, но и старую добрую, проверенную столетиями: Пушкина, Лермонтов, Чехов, а вот Толстого как-то не очень, не идет мне его язык повествования. В современном мире читать

легко, особенно когда книги стали электронными и можно их «проглатывать» с экрана смартфона, стоя где-нибудь в автомобильной пробке.

Одно время мне очень заходили книги про попаданцев. Это когда современный человек «проваливается», «попадает» в прошлое.

Стоп!

Так это же я теперь, вроде как, попаданец в прошлое! Точно! Охренеть!

Ну, так вот, одно время очень подсел именно на фантастику о попаданцах. Но длилось это не долго, потому что сюжет везде был как под копирку.

Если современный человек попадал в начало Великой Отечественной войны, то он обязательно изменял ход войны, причем делали «попаданцы» от разных авторов это приблизительно одинаково: «придумывали» автомат Калашникова, РПГ-7, цепляли на Т-34 командирскую, наблюдательную «башенку», насыщали войска автоматическими гранатомётами Таубина, вытаскивали из тюрьмы Рокоссовского, расстреливали Тухачевского и Мехлиса. При этом редко, кто из писателей хотя бы мельком описал бы насколько сложно за короткий период насытить войска новым видом оружия, под изготовления которых нет производственных линий, системы изготовления металлов и сплавов, нужных для их производства и полное отсутствие боеприпасов нужного калибра.

Ну, в общем, все как один проваливались в прошлое и давай его изменять в лучшую сторону одним фактом своего присутствия там. И еще, как назло, все попаданцы капец какие умные, всесторонне развитые обладающие уникальной памятью и энциклопедическими знаниями.

Были еще попаданцы в послевоенный СССР, чаще в эпоху Брежнева. В последнее время тема Союза вообще на пике популярности. Многие люди, которые родились намного позже 1991 года, настолько верят в «святость» Союза и идеализируют то время, что даже не особо задумываются о том, что может быть на самом деле все было не так радужно и «мимишно».

Попаданцы в СССР разделены на два лагеря, одни тут же пытаются его сохранить и не дать развалиться, вторые же, наоборот плевать хотели на сохранность «совка» им наоборот нужно, чтобы он развалился, а они смогли бы на этом «подняться» и обогатиться. Ну, то ладно, фантастика, она фантастика и есть.

Мне то, что сейчас делать? Как быть?

Я вот, к примеру, человек не глупый, мои знакомые и окружающие считают меня даже очень умным и начитанным, но вот так, с проходняка, я хрен чего там вспомню из прошлого до точной даты. Нет, много, конечно, что помню.

Что у нас было после 1981 года в СССР?

Помню, когда произошла Чернобыльская катастрофа, когда был ГКЧП, помню день смерти Брежнева, помню, что после Брежнева генсеком стал Андропов, потом Черненко, потом Горбатов. Дат смерти Андропова и Черненко не помню, знаю только, что Андропов был у власти около двух лет, а Черненко не больше года. Перестройка, «сухой закон», Руст сел на Красной площади, конфликт в Нагорном Карабахе, сбили Южнокорейский боинг. Что было сперва заваруха в Карабахе, а потом сбитие корейского боинга не помню. В голове кавардак!

Я родился в 1978 году, развал СССР застал в тринадцатилетнем возрасте. Все, что я знаю про 80-ые, основано на просмотре телевизора, чтение книг, газет и статей в интернете в зрелом возрасте. Вот 90-ые я помню и знаю намного лучше. Много чего пережил на собственной шкуре.

Что мне делать? Вернуться в СССР и...а дальше что? Мой отец, в чьем теле я оказался был военный специалист, значит мной будет заниматься КГБ. К примеру, я скажу, что из-за отравления у меня начались видения и я вроде Ванги, предвижу будущее. Напишу, всё что знаю, передам в КГБ, как только 10 ноября 1982 года Брежнев умрет, то в мои записи поверят.

Возможно удастся предотвратить Чернобыльскую катастрофу, минимизировать жертва разрушительных землетрясений в Армении или не дать выйти в рейс парому «Эстония»...

А дальше, что? Вопрос...

В художественных книгах обычно умные, справедливые, честные «гэбисты» используя полученные сведения тут же начинают спасать СССР от развала. Горбачев никогда не станет генсеком, а Андропов проживет намного дольше...

А в реальной жизни что будет? Хрен его знает, что будет. Всякое может быть. То, что меня запрут в спецучреждение откуда мне не выбраться – это сто процентов. А могут выпотрошить до сухого остатка, применяя специальную «химию», которая выжжет мне мозг, но позволит вспомнить даже то, о чем я забыл или думал, что никогда не знал.

Оно мне надо? Нет, не надо. Опять же, далеко не факт, что нарвешься на идейного и справедливого «гэбиста», который пусть и «высосет» твой мозг до суха, но используя мои воспоминания спасет СССР от распада. Вполне может быть, что мои сведения попадут на стол к карьеристу, который спасать Союз не будет, зато использует полученные сведения в своих личных целях. В итоге получится еще хуже, чем я помнил.

Так может, ну его на фиг спасать СССР? Хрен с ним! Развалился и развалился, в конце концов Союз распался не из-за одной причины, а из-за тысяч, где основными было нежелание самих советских граждан что-то там сохранять, им хотелось новой жизни, перемен...

Перемен требуют наши сердца

Перемен требуют наши глаза

В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен

Перемен, мы ждём перемен...

Буду сидеть себе тихо, как мышь под веником, копить деньги, доллары по выгодному курсу менять, фарцевать, золотишко выплавлять из радиодеталей, скупать «ордера» на квартиры, чтобы потом их приватизировать и переоформить на себя, когда придет время буду вкладывать деньги в акции компаний, который спустя годы «выстрелят», в 2009 году скуплю биткоины по 1 доллару, а в 2021 году продам их по цене 63000 долларов за каждый, то есть вложив всего одну тысячу долларов, я смогу спустя двадцать два года превратить её в шестьдесят три миллиона долларов.

Неожиданно в дверь заколотили, я погруженный в свои мысли испугано вскочил и метнулся к двери.

Глава 2

– Пошли вон, сукины дети, – рявкнул я на английском сквозь дверь.

Голос при этом попытался кое-как изменить сделав его выше. Вроде прокатило, стук в дверь прекратился. Хорошо, что дверь была закрыта изнутри. Предусмотрительно поступил хозяин комнаты.

Так, ладно, надо работать с тем, что имеем. Сперва надо разобраться с насущными проблемами, а потом уже все остальное.

Сперва я все-таки напился воды, но не из-под крана, как планировал, а из запечатанной бутылки с «кока-колой», которую нашел в раскрытом дипломате на столе. Немного полегчало, во рту пропало ощущение наждака. Мельком просмотрел содержимое дипломата: нательное белье, носки, паспорт с моим фото, но на другое имя, кошелек с деньгами, блокнот с записями, картонная коробка с таблетками, стопка красочных открыток с видами океана и пальм, мыльно-рыльные принадлежности, электрическая бритва, несколько толстых сигар в целлофановой обертке и блок жевательной резинки.

Не густо...

Ладно, а что у нас в карманах того самого мертвого парнишки? В карманах покойника оказалось и того меньше: паспорт гражданина Великобритании на имя Дениэла Берка, связка ключей, перочинный нож и кошелек с приличной стопкой денег. Я выгреб содержимое кошелька оставив лишь несколько мелких банкнот, потом еще пару банкнот, но уже достоинством побольше засунул в карма женского платья, валявшегося на полу.

Так, как бы еще запутать следователей, которые будут тут разбираться? Глаз скользнул по разбросанным вещам, наткнулся на коробку с таблетками. Жестяной цилиндр с нитроглицерином. Не знал, что у отца были проблемы с сердцем. А что, если рассыпать таблетки по полу, чтобы выглядело, как будто покойник хотел их выпить?

Держа цилиндр через платок, осторожно открыл его и хотел было уже высыпать на руку горсть ярко-красных горошин, но в очередной раз за последнее время остоленело замер. Вместо желатиновых горошин на ладонь высыпались мутные стеклянные камешки. Это что?

Сыпанул камешки обратно в цилиндр, взял один подошел к оконному стеклу и провел камешком по стеклу. Раздался едва слышный противный скрежет и на стекле появилась борозда царапины. Камешек при этом не пострадал. Алмаз?!

Камни довольно крупные, примерно по пять-семь миллиметров в диаметре. Всего камней было девять штук, семь из них мутноватые, желтушного оттенка, а вот два прозрачные и чистые как стекло.

Интересные дела происходят! А батя то мой был не так-то прост, как я всё это время думал. Якшался с бритишами, носил при себе не огранённые алмазы. Может он и не военным советником был, а самым натуральным агентом КГБ?

Нелегал на «холоде»! – вспомнил я киношное определение агента советских спецслужб. Хотя, постойте у него же советский паспорт при себе. Какой же он нелегал? Паспорт, кстати, был не обычный, а типа загранпаспорта, что ли? Только все-равно какой-то неправильный. На обложке было крупно написано – «СССР», а внизу уже помельче – «Служебный паспорт». Я о таких паспортах не слышал. Обложка синего цвета, а не красного. На первой странице текст по-русски и по-английски, суть которого сводилась, что предъявителя этого паспорта всем дружественным странам надо пропускать без виз и оказывать всяческое содействие.

Так, свои вещи я забираю, пистолет тоже прихвачу, запасных патронов, кстати я так и не нашел. Пистолет небольшой, хваткий. А, так это же «Беретта»! Тот самый ствол, что был у Семен Семеныча Горбункова. В магазине семь патронов, с виду, как обычные макаровские 9/18, но может чутка меньше.

Еще раз осмотрел гостиничный номер. Шкаф?! Как же я не догадался заглянуть в шкаф. В небольшом платяном шкафу на полке лежали свежие полотенца и чистое постельное белье. На нижней полке стоял небольшой кожаный чемодан. Осторожно открыл его, заглянул внутрь. Вещи сложены аккуратно и бережливо, поверх несколько журналов весьма фривольного содержания из категории 18+. Под вещами, на самом дне чемодана пачка патронов к пистолету и пустой, запасной магазин. Рядом пачка денежных банкнот, где вперемешку американские доллары, английские фунты, французские франки и какие-то экзотические африканские банковские билеты. Пачка денег хоть и выглядела солидно, но при детальном просмотре выяснилось, что номинал купюр минимальный. Самая крупная купюра – двадцать долларов. Думаю, суммарно в пачке было не больше пары тысяч в долларовом эквиваленте. Оно и логично, потому что в это время банковских крат еще не было, а кто тебе даст сдачу с купюры в сто долларов. Опять же, мы россияне двадцать первого века привыкли использовать доллары в качестве средства хранения денег, а не их постоянного использования, вот поэтому для нас основная американская банкнота – это сто долларов, а для постоянного использования в качестве платежных средств нужны мелкие купюры. Это тоже самое, если бы россияне ходили по магазинам и рынкам с прессом десяти тысячных банкнот. Нашли бы вам сдачу в магазине или мелком ларьке? Хрена лысого! Патроны и деньги забрал себе, остальное убрал обратно в чемодан.

Заглянул под кровать. Ничего!

Зашел в ванну, еще раз посмотрел на свое отражение в зеркале.

– Ну, здравствуй батя, – тихо, почти шепотом произнес я. – Вот и свиделись.

Тут меня как молния пронзило воспоминание из старой жизни. Мне было лет тридцать, примерно, как отцу сейчас, и встретила меня на рынке цыганка, которая пристала с гаданием. Я её послал, потому что не люблю цыган, а она лишь улыбнулась и крикнула мне в спину, что я долгую жизнь проживу и отца своего еще увижу. Я тогда наорал матом в ответ на неё, потому что отец мой давно помер и соответственно никак я с ним свидится не мог. А вот сейчас гляжу в зеркало и понимаю, что цыганка была права, я действительно увидел своего отца.

–Мы-мымы!!! – замычал и забился негр-генерал-швейцар, лежащий в ванне.

– Что ж с тобой делать? – тяжело вздохнув спросил я сам у себя, а потом уже обратился к негру на французском. – Чёрный ты понимаешь по-французски или английский?

В ответ «генерал» остервенело замотал головой в знак согласия. Ага, значит понимает черненский английский или французский язык. Это гут!

– Я сейчас вытащу кляп из твоего рта, но если ты начнешь орать, то тебе хана. Понял?

Негр опять истошно закивал головой в знак согласия. Я хорошенько разглядел генерала-швейцара. Молодой парень лет двадцати, может чуть-чуть старше. Высокий, худощавый, сильно выпирает кадык, глаза чуть навывкате, в целом лицо приятное, коротко стрижен. Лицо знакомое, будто бы я его где-то уже видел. А, где? Вспомнил! Швейцар был похож на французского актера, сыгравшего главную роль в фильме «1+1». Я вытащил кляп, подтянул «генерала» за плечи, чтобы он не лежал, а полусидел и начал его допрос.

– Имя?

– Э-эээ, м-mmm, – начал мычать негр.

Хрясь! – я тут же выдал ему лёгкого подзатыльника, собственно говоря, для этого я его и садил в такое положение, чтобы было легче выписывать «лещей».

– Имя?

– Подабасон, – едва шевеля затёкшими губами прошипел негр.

– Патиссон? – переспросил я.

– Подабасон, – поправил меня «генерал».

– Ладно, потом разберемся как твоё настоящее имя, я буду тебя звать – Паспарту. Договорились?

– Да, господин, – понутив голову прошептал паренек, а потом вдруг из его глаз брызнули слезы, и он начал что-то скороговоркой бубнить на непонятном мне языке.

– Ты чего?

– Простите меня, простите, – было слышно сквозь плачь.

– А, ну, прекрати реветь, как баба! – вполголоса рявкнул я и тут же отвесил увесистую затрещину.

Плачь прекратился, но Паспарту как-то странно смотрел на меня, в его взгляде читался не просто испуг, а какой-то панический ужас.

– Я видел вас мертвым! Вы умерли, – начал опять шептать Паспарту, но уже на английском. – От яда растения Убаин нет спасения. Вы умерли! Когда я раздевал ваш труп, то вы были мертвы.

– Ну, значит я умер, а потом воскрес, – отмахнулся я, – считай меня, вроде божества. Ты многих жителей Советского Союза видел?

– Не особо, всего двоих и то издалека.

– Ну, вот, а сейчас видишь живую и знаешь, что некоторых советских граждан, особенно с такими паспортами, – я сунул ему под нос синюю книжицу, – яд этого вашего Ёбаина не берет. Ясно?

– Простите меня господин, – вновь завыл Паспарту, размазывая сопли по лицу.

Хрясь! Еще одна смачная затрещина, потом еще одна и «генерал» успокоился окончательно.

– Успокоился, пришел в себя или еще надавать по морде?

– Не надо, господин.

– Тогда Паспарту ты мне сейчас четко и внятно расскажешь, что здесь произошло. Как ты оказался связанным в ванне, почему я голый и на полу мертвая голая женщина? А чуть не забыл, – растасовано хлопнул я себя по лбу. – Сперва скажи: какой сейчас года и в каком мы городе, стране?

– Это Танзания господин, город Мтвара. Сейчас 1981 год. Весна, середина мая.

Танзания?! Что я знаю про Танзанию? Вообще-то географию, особенно уровень школьной программы я знаю на «отлично». Прекрасно помню все страны, находящиеся на Африканском континенте, и даже могу назвать столицы большей части из них. Про Танзанию я помню, что она находится в восточной Африке, чуть «ниже» экватора, на побережье Индийского океана и на севере граничит с озером Виктория, именно на территории Танзании расположена гора Килиманджаро. А вспомнил, кажись в Танзании, тоже были советские военные советники во времена СССР. Только не особо много их вроде было, потому что тут не было своей гражданской войны, революции и прочей мути.

– Продолжай, – величественно кивнул я, делая вид, что первым вопросом, просто проверял юношу.

– Я работаю в этой гостинице слугой, ношу вещи постояльцев, помогаю по хозяйству, открываю входные двери, – испуганно косясь на меня продолжил парень, – мистер Берк предложил подработать на него, дал немного денег, мне надо было найти приличную проститутку и..., – «генерал» замялся.

– Ну? – отвесил я лёгкого леща чернокожему. – Что еще ты должен был сделать для Берка?

– Достать ему яд? Хороший, надежный!

– Так и что дальше?

– А дальше, когда Берк привел в гостиницу вас и шлюху, он приказал мне подняться к нему в номер через час. Я поднялся, а там вы и шлюха лежите мертвыми. Берк приказал вас раздеть и уложить в постель. Я выполнил его приказ, потом он меня связал и затолкал в ванную.

– Зачем?

- Не знаю. Думаю, он хотел меня убить.
  - Номер был зарегистрирован на его имя?
  - Да.
  - И как он тогда хотел скрыться от следствия?
  - Не знаю, господин, но Берк очень сильно нервничал всё время, похоже, что для него это всё было впервые.
  - Ясно. Советские люди в городе есть? Консульство? Военские части?
  - У нас в городе нет советских людей, а вот в порту Линди есть советские граждане.
  - Город Линди?
  - Да, господин.
  - Далеко Линди отсюда?
  - Не особо, на лодке с мотором можно за пару часов добраться.
  - Ага, а ты значит у нас из тех шустрых парней, которые за деньги всё могут достать?
  - Ну, вроде того, – как-то неуверенно произнес Паспарту и пожал плечами.
  - Сможешь достать лодку с экипажем, чтобы отвести меня до Линди?
  - Э-ээ? А разве не следует вызвать полицию?
  - Конечно следует, – хмыкнул я, – в тюрьму захотелось? Кто достал яд для англичанина?
- Ты! Ну, вот и делай выводы, что ты соучастник убийства двух людей.
- Господин...
  - Молчать! – рыкнул я. – Еще раз спрашиваю, ты достанешь лодку с экипажем или мне вызывать полицию и делать всё через официальные власти?
  - Я...я..., – замямлил чернокожий парень, – я смогу вам помочь.
  - Отлично.

В этот момент я представил, как в скором времени попаду к своим соотечественникам и мне надо будет что-то им рассказать. А, что рассказать? Правду? Типа, я из будущего? Ага, щазз. Ну, здесь всё просто. Скажу, что я такой-то, вот, дескать паспорт, был отравлен англичанином, вот его паспорт, вот бутылка с остатками яда, вот свидетель, который всё подтвердит, а я сам вследствие отравления ни хрена не помню, амнезия у меня, вызванная токсинами яда растительного происхождения. Как там Паспарту сказал? Уабаин? Ну, вот, значит отравили меня этим «ёбаином» и я ни хрена не помню. Причем амнезию играть будет легко, я ведь действительно ничего не помню, а точнее не знаю из жизни своего отца, то есть если ко мне подведут любого человека, которого отец хорошо знал лично, то я никак на него не отреагирую, потому что впервые буду его видеть в своей жизни. Никаких рассказов про будущее СССР я рассказывать не буду. Нельзя вот так сразу подставляться, надо осмотреться, устроиться на новом месте, обрести связями, поднакопить денег. Скорее всего даже в психушку не запрут, я ведь не буйный. Буду лечиться на дневном стационаре, а ночевать дома...

Стоп!

Твою-жжж мать!!!

Как я сразу не подумал об этом?! Меня ведь по всем раскладам, чтобы память быстрее вернулась сразу же домой вернут, под бок жены, а в нынешнем положении дел, вроде как моей матери получается.

Чёрт! Что же делать? Как быть? Мне никак нельзя в Союз. Что я жене, а точнее маме скажу? Типа, я не твой муж, я – твой сын в теле твоего мужа? Бред! Никто в здравом уме не поверит в подобный бред, тем более женщина, чей мужчина вернулся из заграникомандировки. Скорее всего она решит, что муж «морозит» её, потому что подцепил за границей что-то венерическое и неизлечимое.

Твою мать! Что же делать?! Домой к жене, а точнее к своей матери мне никак нельзя. Тут ведь дело еще и во мне, ну, во мне, которому сейчас три года. Я ведь всю жизнь слышал от матери, какой отец был хороший, что надо брать с него пример и так далее. Мать всю жизнь

отца любила, хранила ему верность и меня воспитала соответствующее. А если я сейчас заважусь домой, то все испорчу к хренам собачьим. Как бы это жестко не звучало, но моей маме лучше думать, что её муж погиб в командировке, чем свыкаться с мыслью, что в теле её мужа живет теперь её сорокапятiletний сын.

Короче, в Союз мне сейчас никак нельзя, по крайней мере в качестве Петра Андреевича Котова.

Пока размышлял над всем этим, стоял облокотившись в дверном проеме смотря в «никуда». Есть у меня такая привычка во время размышлений залипать и стекленеть взглядом. Люди, видевшие меня в этот момент со стороны, утверждают, что при этом выражения мое лица довольно кровожадное. Дескать со стороны ты Григорий Петрович похож на серийного убийцу, который размышляет как бы ему половчее расчленил очередную жертву. Родные к этой особенности моей мимики давно привыкли, а вот те, кто сталкиваются с этим впервые частенько испуганно охреневают.

– М-ммы, э-эээ, – испуганно замычал чернокожий генерал и вновь заплакал, – не надо господин, не убивайте меня!!!

– Чего? – скривился я. – Паспарту с чего ты решил, что я хочу тебя убить?

– У вас лицо сделалось страшное.

– Не обращай внимание, – отмахнулся я. – Задумался просто. Кстати, о твоей судьбе задумался. Я вот укачу к себе на родину в Союз, а ты тут останешься. Что думаешь делать? Надо же как-то спрятаться от товарищей этого типа, – ткнул я указательным пальцем в сторону мертвого парнишки, сам понимаешь, что англичане теперь тебя искать будут.

Лицо мертвеца, кстати, совсем потемнело, стало цвета баклажан. А вот интересно, если этот парень был британский разведчик или их агент, то, к примеру, в другой реальности, где он должен был выжить он тоже умер или нет? И как вообще повернется время в связи с тем, что я вселился в тело своего отца, а вот этот английский парнишка умер? А вдруг в будущем он должен был стать видным британским политиком или военным?

– Где я буду прятаться?

– Да или ты планировал вместе со мной улететь в Советский союз?

– Нет, – отрицательно замотал головой негр, – я не хочу в Союз, у вас там холодно.

– Это, да, в России холодно, – довольно хмыкнул я, – не то, что у вас.

В гостиничном номере было душно, видимо сейчас не время сезона дождей, потому что за окном солнце шпарило из-за всех сил, а на небе не было ни малейшего намека на облачко.

– У меня брат служит во Французском Иностранном легионе, меня к себе звал. Я к нему поеду.

– Французский Иностранный легион? – задумался я.

А что это идея! Точно! Как же я сразу не догадался. Надо записаться в Иностранный легион, выправить себе новые документы, оттянуть первичный контракт, а там и решить, как дальше жить, спасать или не спасать Союз. В общем отличная идея! Деньги на первое время есть, военный опыт у меня за плечами ого-го, французский и английский язык знаю, так что не пропаду!

Вот только надо понимать, что как только я переступлю порог этого гостиничного номера и направлю свои стопы не в советское посольство, то для КГБ и прочих советских спецслужб я тут же стану предателем и перебежчиком. По-другому никак. В то время было просто: либо ты со своими, то есть с советскими гражданами, либо ты против них. Так как сейчас в современной России, где можно быть гражданином РФ, но при этом активно и публично критиковать власть, в СССР не было, там за этим четко следили. И если что не так, то сразу к ногтю. Так что если я решу все-таки направить свой путь не в советское консульство, то мне надо быть готовым, что меня будут искать агенты КГБ.

– Повезло тебе Паспарту! – нарочито бодро хлопнул я по плечу связанного «генерала». – С тобой поеду, тоже наймусь в Иностранный легион. Вдвоем-то оно сподручней будет. Кстати, я решил тебя нанять в качестве своего личного слуги. Ты сколько в месяц зарабатываешь?

– Я? – удивился такому повороту событий Паспарту.

– Ты!

– Ну, по-разному получается. Когда как. Обычно около пятидесяти американских долларов в месяц выходит.

– Не густо, – покачал я головой. – Так уж и быть, буду тебе платить по шестьдесят долларов. На, вот, – я протянул ему три американские «двадцатки» с Джексоном. – Ну, что договорились?

Судя по удивленной морде, Паспарту меня немного обманул и пятьдесят долларов в месяц он вряд ли зарабатывал. Негр схватил три двадцатки с такой сноровкой, что сразу стало понятно – шестьдесят долларов для него огромные деньги. Ладно учтем этот момент. В конце концов, систему штрафов никто не отменял. Сегодня дал ему шестьдесят баксов, а завтра на десятку оштрафую.

– Да, господин, договорились, я буду для вас верным слугой и помощником, вы не пожалеете, что наняли меня, – тут же радостно закивал головой Паспарту. – Как мне к вам обращаться?

– Петр, можно Пьер, но не Пьеро. Запомнил? Петр! – видя удивленно округленные глаза негра я подумал, что для него это имя в диковинку и решил добавить. – Петр, как апостол Перт. Ты про апостола Петра слышал?

И вот тут с моим только что нанятым на работу слугой случилась настоящая истерика. Он и до этого уже несколько раз впадал в истеричное состояние, но то, что произошло сейчас даже меня повергло в шок. Парень был чернокожим, таким знаете – чёрным-пречёрным, как трубочист. После моих слов про апостола Петра негр вдруг посветлел, его кожа буквально на глазах стала сереть, становясь цвета пепла, нижняя челюсть пошла вниз, парень бухнулся на колени и принялся биться головой о пол в неистовых поклонах, что-то жарко бубня себе под нос.

Я охренел от такого поворота событий, попятился назад и сгруппировался, понимая, что передо мной сумасшедший. А вдруг он буйный и сейчас кинется? Негр истошно что-то бубнил скороговоркой, отвечивая поклон за поклоном. Из длинной вереницы слов произносимых на английском я понял, что парнишка молится. Нашел время!

– Паспарту! – дернул я негра за плечо. – Я, конечно, уважаю твое религиозное рвение, но нам над валить отсюда. Давай ты потом помолишься.

– Господин! Господин! – взорвался негр истошными восклицаниями. – Я ваш верный слуга, я буду служить вам до самой смерти. Я выполню любой ваш приказ!

Выражение лица парня при этом было какое-то странное, как будто на него снизошло озарение свыше, и он вдруг понял смысл бытия. При этом он смотрел на меня как... как? Даже не знаю, как описать его взгляд. Помню был с женой в церкви пару лет назад, еще до войны, и видел я там одну бабку, которая истошно отвешивала поклоны перед привезенной в храм редкой иконой, вот у той бабки было такое же выражение лица. Эдакий просветленный набожный катарсис. В общем выражения лица у негра было такое будто бы перед ним сейчас был не я – обычный советский мужик тридцати лет отроду, а Иисус Христос во плоти.

– Паспарту, ты чего? – с опаской спросил я.

– Вы – бог, апостол Петр! Я знал! Знал! Вы умерли и воскресли! Это чудо! Чудо! – негр круглил глаза полз на меня на коленях, всячески пытаюсь ухватить мою руку, чтобы облобызать. – Только истинный бог или его посланник на это способны. Вы – апостол Петр! У меня прабабка была, она перед смертью говорила мне, что я встречу апостола и он сделает меня царем! Ей никто не верил, смеялись над ней.

Ага, понятно, значит у паренька «потекла крыша». Зря я ему про апостола Петра сказал. Вот, блин! Единственный помощник из местных был и тот умишкой тронулся из-за моего неосмотрительно оброненного словца. Хотя...

– Да, ты прав Паспарту. Я – апостол Петр, я воскресил это тело, в котором сейчас нахожусь. Я прислан на Землю чтобы изменить её историю. В будущем, через сорок лет на Земле разразится большая Война, которая сотрет человечество с земли. Я призван не дать этому случиться. Я знаю будущее и могу всё изменить, – говорил я максимально торжественно и величаво, стараясь не улыбаться и не ржать. – Ты мне поможешь в этом, сын мой?

– Да, мой господин, – еле слышно проблеял Паспарту. – Приказывайте, я выполню любой ваш приказ.

– Отлично! – обычным тоном произнес я. – Тогда вскакивай с колен и давай выбираться из этого гостиничного номера. У нас впереди много дел.

Итак, что у меня есть? Тридцатилетнее тело моего отца, я в Африке в начале 80-ых, у меня есть несколько тысяч долларов, пистолет, пачка патронов, кое-какие документы, не огранённые алмазы и помощник из местных, который искренне считает, что я – воплощение Бога. Вроде не плохо для начала. Есть с чем работать. Буду ли я изменять будущее и спасти СССР от распада или буду просто жить в свое удовольствие, я еще не решил, надо сперва как-то обжиться в новых реалиях, но, то, что меня ждут впереди приключения и интересные события, наполненные новых впечатлений и эмоций, я не сомневался.

Глава 3

Задница окаменела от долгого сидения на жесткой деревянной скамье, плюс еще постоянная тряска и скачки по ухабам проселочной дороги, никак не добавляли комфорта. Бесило и раздражало всё и вся! Бесила машина – старый грузовик с тентованным кузовом, бесила винтовка в руках – французская MAS 49/56, бесила обувь на ногах – грубые ботинки, которые можно было назвать – «прощайте мои ноги». Бесило всё!

На самом деле причина моего плохого настроения, конечно же не машина, винтовка и обувь. Хотя нет, обувь, бесила больше всех и от этих чертовых ботинок надо избавиться при первой же возможности. Причина моего плохого настроения – это несоответствие картинки в голове и в реальности. Вот так живешь, думаешь мечтаешь о чем-то, представляешь что-то, а когда это «что-то» увидишь в реальности, как будто бац! и со всего размаху мордой об стол! А реальность-то, сука такая, совсем не такая, как твои влажные фантазии и представления до этого.

Солнце в зените! Жара стоит невероятная. До сезона дождей еще пара недель. Поэтому надо терпеть. Поверх белой кепи намотка из куска мешковины, который заменят здесь много чего, главное – спасает от жары и надоедливых насекомых, коих в Африке до хрена и больше.

Я сидел на деревянной скамейке, протянутой вдоль борта грузовика прижавшись спиной к узкой доске. Сидел в самом конце, рядом с шторкой, прикрывающей выход из кузова. Брезентовая штора зияла прорехами, через которые проникал полуденный зной и вездесущая красная пыль.

Мне как командиру положено ехать в кабине, но там вообще духота и вонь невероятная, поэтому еду в кузове, рядом с простыми бойцами. Ветераны, которые жили со мной бок о бок последние полгода и знавшие меня и мои привычки, привыкли к таким, не свойственным остальным белым вывертам, а вот новички удивленно пялят глаза на странного белого человека.

Экваториальная Африка, она же – жопа мира! Добро пожаловать бледнолицые мзунгу. Жопа мира – это когда проснувшись ты первым делом расстегиваешь москитную сетку на кровати, потому что без нее поспать получится только одну ночь – на вторую уже будет лихорадка. Это когда перед тем, как надеть ботинки, ты светишь в них фонариком, чтобы убедиться, что там не приютилось что-нибудь агрессивное или, еще веселее, агрессивно-ядовитое. И по той же причине неиспользуемая обувь всегда находится на высоте и в перевернутом состоянии.

Африка – могила белого человека! Почему Африку раньше называли "могилой белого человека"? Африка – величественный и загадочный континент, известен своей разнообразной культурой, богатством природы и многовековой историей. Однако, его история также неразрывно связана с явлением колонизации, которое привело к трагическим последствиям. Именно из-за многочисленных угроз для жизни, которые ждали захватчиков в Африке, континент приобрёл дурную славу "могилы белого человека".

Колонизация Африки началась хрен знает когда и длилась десятилетиями. Европейские страны, такие как Великобритания, Франция, Португалия, Германия, Италия и другие, стремились к расширению своих империй и контролю над африканскими территориями. Они направляли на континент колонизаторов, военных и миссионеров, желая контролировать природные ресурсы, установить свою власть, навязать язык и культуру.

Знаете сколько болячек ждет бледнолицых в Африке? Нет? Загибайте пальцы:

Малярия. Была и остается одной из наиболее смертоносных болезней в Африке. Она передается через укусы комаров, и симптомы включают лихорадку, жар и дрожь, а в тяжелых случаях она может привести к смерти.

Желтая лихорадка. Эта вирусная инфекция также передается комарами и может вызвать желтый оттенок кожи и глаз, высокую температуру и внутренние кровотечения. Желтая лихорадка особенно распространена в районах с тропическим климатом.

Сонная болезнь. Эта болезнь вызвана простейшими паразитами, передающимися через укусы мух цеце. Симптомы включают жар и сонливость, а без лечения она может привести к коме и смерти.

Холера. Это инфекционное заболевание, передающееся через загрязненную воду и пищу. Симптомы включают рвоту, понос и обезвоживание, и без лечения оно может привести к быстрой смерти.

Тиф. Передается через загрязненную воду и пищу, и симптомы включают высокую температуру, слабость и озноб.

И это я перечислил только те болезни, которые вспомнил, специалист назвал бы в несколько раз большее число болячек, способных свести человека за несколько дней, а то и часов в могилу.

Некоторые регионы Африки представляют собой настоящие враждебные миры: реки и болота с крокодилами, густые джунгли и саванны с высокой травой, в которой прячутся хищники и миллионы различных хитиновых и пресмыкающихся гадов, которые так и норовят отправить вас навстречу к предкам.

К другим опасностям можно отнести индивидуальную непереносимость климата Африки. Не каждый может долго жить в экстремальной жаре, а потом еще и в экстремальной влажности. А все из-за того, что у африканского климата на экваторе есть ряд особенностей.

Главной особенностью климата Африки является отсутствие высоких гор на её территории. Данный факт способствует большому проникновению влажных и соленых океанических ветров как со стороны Востока – из Индийского океана, так и с Запада – из Атлантического. Полуденное африканское солнце в зените формирует основные особенности климата. Жаркая погода и непрекращающееся испарение влаги способны быстро превратить любой благоухающий участок суши в пустыню. Приспособившиеся к такому особенному климату обитатели Африки давно привыкли ощущать на себе палящие лучи солнца и организовали свой образ жизни в соответствии изменяющимся условиям на континенте.

Там, где я сейчас нахожусь климат преимущественно экваториальный, постоянно влажный. Есть два дождливых и два сухих сезона: "малый" сухой сезон – январь-март, "малый" дождливый сезон – апрель-май, зимний сухой сезон – июнь-август, дождливый сезон – сентябрь-декабрь. Осадков в экваториальной зоне выпадает до хленища, особенно сильные дожди идут с апреля по май и с сентября по ноябрь. Экваториальные ливни в эти месяцы сильны, но кратковременны, обычно – во второй половине дня. Дальше от экватора, к югу и северу, более явно выражены сухие периоды: на севере – с марта по ноябрь, на юге – с октября–ноября по март–апрель.

Помните, как писал знаменитый русский, а потом еще и советский детский писатель Николай Корнейчуков, он же Корней Чуковский:

*Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы.
Будут вас кусать,
Бить и обижать, -*

*Не ходите, дети,
В Африку гулять.*

Золотые слова! Подписываюсь под каждой буквой. Не хрен делать в этой Африке белому человеку. Это континент для черных, для местных, которые тут чувствуют себя, как рыбы в воде.

Кстати, о местных. А вот местные чернокожие товарищи меня приятно удивили. Я-то думал, что они сплошь лентяи и лоботрясы, коими любят их изображать на экране телевизора и в интернете.

Знакомство мое с некоторыми нюансами этой сферы жизни местного населения явилось для меня если и не шоком, то сильным удивлением.

У многих россиян имеется такое мнение, что африканцы чрезвычайно ленивы, работать не хотят и все ждут, когда им кто-то что-то поднесет на блюде с голубой каемочкой. Очень сильно способствуют этому видеоролики всяких блогеров и тревел-ютуберов, где они показывают нам парней, сидящих на скамейках, на земле, на асфальте и ничего не делающих, говоря – вот, посмотрите на них – какие они лодыри. Сидят день-деньской и ничего не делают, а потом плачутся, что они такие несчастные. Такое действительно присутствует и в немалых количествах. А вы посмотрите внимательно вокруг себя и увидите, что в России таких сидящих на скамейках или праздно шатающихся ничуть не меньше.

Чаще всего, даже не чаще всего, а почти исключительно, такую картину можно наблюдать только в городах. Численность населения африканских городов значительно превосходит возможности предоставления работы всем желающим. Город всегда и во всех странах притягивает к себе людей, надеющихся хорошо заработать или устроиться в жизни. Африка не исключение. И если во времена колонизаторов население городов более-менее жестко лимитировалось, то после обретения независимости в города хлынул мощный поток из деревень, который не очень сильно ослабел и сегодня. Но действительность, как всегда, не соответствует представлениям человека о жизни, и большая часть новых горожан не может найти себе достойного занятия. Поэтому мы и можем наблюдать множество молодых, и не очень, людей, пребывающих в безделье в разгар рабочего дня. В сельской местности вы сможете увидеть сидящими и ничего не делающими лишь стариков. Все остальные при деле. На селе – что в Африке, что у нас, всегда есть чем заняться.

Но и в городе они сидят не просто так, а ждут работу. Если вы предложите им какую-нибудь работу, то отказа не будет. Можете быть уверены. В то же время, я в России в 2010 году, когда занялся строительством дома, не смог найти желающих на разгрузку машины кирпича. Пришлось разгружать самому. И дело не в том, что не было людей. Люди были. Толпы мужиков толкались возле магазинов и «шакалили» на выпивку. Но ни один не согласился поработать полчаса ни за бутылку, ни за две, ни даже за живые деньги! Кстати, грузчики нанятые заранее для разгрузки машины кирпича и получившие небольшой аванс, к приезду машины так и не явились. Так кто тунеядец и лодырь? Черный африканец, который не может найти работу, хотя готов схватиться за любую? Или наш россиянин, который не хочет напрягаться за любые деньги?

Работы для всех в Африке нет. Там, где я сейчас нахожусь основная промышленность – горнодобывающая. Добывают бокситы, железо, золото. Естественно 99% горнодобывающих и перерабатывающих компаний являются иностранными, чаще всего французскими, потому что еще двадцать лет назад этот кусок Черного континента был французской колонией.

В Африке образца начала 80-ых я чуть меньше года, сейчас март 1982 года. За это время я успел узнать много интересного и непонятного для себя, как человека, выросшего в позднем СССР и постсоветской России. Здесь отношение к простым людям, как к расходному материалу, как к приставкам к мотыгам и лопатам.

Быть негром в Африке очень тяжело, белые постоянно над тобой издеваются и создают такие условия жизни, что хочется куда-то сбежать... например в Европу или США. Всем правят добывающие Компании и корпорации, которые буквально высасывают недра Африки, совершенно не заботясь о местных жителях.

Специалисты почти все экспаты, рабочие и средний инженерный персонал – местные. Для местных попасть на работу в Компанию по степени счастья – это как для нас выиграть в лотерею миллиард. А может и больше. Естественно, компаниям нужна не просто рабочая сила, а более-менее квалифицированная. Водители, операторы погрузчиков, грейдеров, горных комбайнов, шиномонтажники, механики, электрики и так далее. Африканцев, обладающих такими специальностями не очень много, а имеющих документы о том, что они обладают этой специальностью еще меньше. В сельской местности, а именно там располагается значительная часть месторождений, это количество стремится к нулю. В сельской местности не то, что грамотных почти нет, несмотря на наличие школ, но там почти 80% не говорят на французском языке, который является государственным. Поэтому для них устроиться на работу в Компанию – заветная, но почти недостижимая мечта. В связи с этим правительство принуждает Компанию брать местных на стажировку, чтобы те могли практически освоить ту или иную профессию. При этом обращают внимание на то, чтобы брали на стажировку преимущественно представителей общин, то есть населения, проживающего непосредственно в границах работы Компании. Сами общины тоже на этом настаивают, так как понимают, что другого пути у их детей выбиться в люди нет. И вот тут начинается самое интересное.

Итак, Компания предусматривает определенный лимит стажеров. Кандидат должен представить пакет документов, включающий сведения о его личности – идентификационная карточка, водительское удостоверение, которое покупается за 14-20 долларов, при этом умение водить не обязательно, сведения о полученном образовании, свидетельство о регистрации, четыре фотографии. Счастливчику, которого взяли стажером, выдают сигнальный жилет и пару перчаток. Срок стажировки два месяца. Никакой зарплаты не предусмотрено. Стажер поступает в распоряжение мэтра (механика, шофера, бульдозериста и т.д.) и выполняет все его поручения – бегают за водой, сигаретами, дает прикурить и т.д. В остальных случаях, если речь идет об управлении техникой, сидит в кабине рядом с шофером и смотрит как происходит управление. Если стажировка проходит у механиков, шиномонтажников и т.д., то стажер выполняет всю самую тяжелую и грязную работу, следуя указаниям механика, который с важным видом руководит процессом. То есть они фактически выполняют за рабочего-наставника его обязанности. По окончании стажировки проходит сертификация. Стажеру выдается сертификат, в котором указывается срок стажировки и каких успехов он достиг. В последующем этот сертификат может иметь значение, когда будет решаться вопрос приема стажера на работу по контракту. Поэтому стажеры беспрекословно выполняют все указания своего мэтра. Без оплаты, просто так. И при этом, прохождение стажировки вовсе не означает, что стажера возьмут на контракт. Он может пройти три стажировки, может ждать четыре-пять лет, но работу так и не получит. Вы уже прониклись жалостью и негодуете по поводу такой несправедливости? Погодите. Это только цветочки. А вот теперь ягодки.

Помимо стажерства есть еще такое понятие как «аппрантисаж», от французского слова *apprenti* – означающего «ученик». В качестве «аппранти» выступают все те, кто хочет чему-нибудь научиться, освоить профессию с тем, чтобы их потом взяли на работу. Они очень сильно надеются получить работу. Но если стажеры получают жилет и перчатки, а также табличку, на котором указано их имя, должность и срок стажировки, то «аппранти» не получают ничего. Они вообще на территории объекта находятся незаконно и в любой момент могут быть вышвырнуты с объекта охраной. Поэтому ведут они себя тише воды, ниже травы. Выполняют даже ту работу, которую не возьмется выполнять стажер. При этом они работают. Именно они работают за того дядю, который находится на контракте и должен бы сам выполнять эту работу.

Работают они бесплатно. Никакой спецодежды нет. Более того, многие из них сами платят своему мэтру за то, чтобы он не прогонял их. Эти люди работают в свое свободное время. Отработав смену в качестве ученика, они бегут на свои поля, скудный урожай которых позволяет им не умереть с голоду. Да, да, жизнь свою они обеспечивают земледелием и скотоводством, а аппрантисаж в свободное от основной работы время. Вы сможете так? И что самое главное, такой аппрантисаж длится по много лет, потому что люди надеются, что когда-нибудь их возьмут на контракт. Многие из них в профессии уже ничуть не хуже мэтра, который ходит руки в брюки, но получается лишь у одного из сотни. Многим из этих учеников за сорок, и у них есть свои жены и дети.

Довольно часто бывает так, особенно в ночную смену, что мэтр уходит домой спать, а его аппранти всю ночь работает за него. И заметьте, опять же бесплатно. И они рады этому, поскольку это дает им возможность повышать свой профессиональный уровень.

В Африке очень сильны родственные связи. Отчасти именно поэтому они никак не могут разбогатеть. Средний инженерный персонал из местных старается протащить на место стажеров и даже аппранти своих родственников. Тем самым они, во-первых, дают своим родственникам возможность получить профессию, когда-нибудь устроиться на работу и начать зарабатывать себе на жизнь. И тем самым облегчают себе ярмо обязательств по содержанию родни. Во-вторых, они приобретают очень большой авторитет среди своих родственников, а это тоже очень даже немаловажный момент. Ну и в-третьих, для жителей соседних деревень остается меньше шансов попасть на стажировку или в аппранти, а потому возрастает размер бакшиша для инженера, соглашающегося помочь бедному деревенскому пареньку в устройстве в качестве аппранти.

Так что если вы тоже считали, что африканцы страшные лодыри, то крепко подумайте, прежде чем в следующий раз высказывать свое мнение на этот счет.

Но это так сказать, просто взгляд со стороны человека, который в прошлой жизни долгие годы проработал в строительной сфере и нагляделся на наших российских и среднеазиатских работяг. Африканцы они еще более охочие до работы за копейки, чем таджики и узбеки.

Теперь о моем нынешнем положении, а именно о Французском иностранном легионе. Легион – это жопа армейского мира. Что вы знаете о дедовщине в армии?! Дескать советские и российские «деды» – лютые звери. Ага, щазз! Вступайте во Французский иностранный легион и тогда вы поймете, что такое настоящая дедовщина. Может, конечно, в будущем, в двадцать первом веке, ситуация в Легионе в этом плане изменится, я не знаю, но ответственно вам заявляю, что в африканских подразделениях Легиона в 80-ых годах двадцатого века царит настоящий АД.

Французский иностранный легион разочаровал меня! Я-то думал, что «легион» – это что-то такое-эдакое! Типа как в фильмах с Ван Даммом. А по факту оказалось, что Легион – это тусовка для своих, где на главных ролях будут французы, а все остальные в качестве прислуги и расходного материала. Даже если ты «белый», который прекрасно владеет французским и английским языком, но у тебя нет французского гражданства, то хрена лысого к тебе будет нормальное отношение пока ты не отгремишь первый контракт от звонка до звонка.

Легион существует немалой степени благодаря тому, что есть легальный статус наемников во Франции, хотя говорить и писать о легионе там не принято.

В разные годы в легион вели и разные дороги. Вначале он формировался из остатков разбитых наполеоновских армий. После 1917 года он пополнялся за счет белогвардейских офицеров и других врагов Советской власти, вышвырнутых вон революцией.

После второй мировой войны сюда хлынули недобитые эсэсовцы, гитлеровские преступники, прятавшиеся от возмездия за свои злодеяния. Они составили большую часть легиона. В нем нашли свое место уголовники из разных стран, лица, не имевшие средств к жизни в «свободном мире».

Сюда попадают искатели приключений и обездоленные, задавленные жизнью люди. Известны скандальные случаи вербовки в легион молодых людей из Бельгии, Франции и других европейских стран, с помощью шантажа и обмана, вина п наркотиков. Запутавшись в цепких сетях вербовщиков, они превращались в орудие тех, кому требовалось убивать восставших алжирцев, заирцев, гвианцев...

Со временем Иностранный легион превратился в основной резерв самой махровой реакции, в рассадник фашизма не только в Алжире, где обосновались лагеря наемников, но и в самой Франции.

Зловещую роль играл легион в попытке империализма Франции задушить национально-освободительную борьбу алжирского народа, вспыхнувшую в 1954 году. Легион стал главной картой реакционных алжирских генералов и полковников, создавших в середине 1961 года секретную вооруженную организацию ОАС, ставившую цели не допустить предоставление независимости Алжиру и установить в самой Франции военно-фашистский режим. ОАСовцы действовали методами массового террора. Для совершения убийств, взрывов они вербовали «активистов» преимущественно из наемников Иностранного легиона. А когда начались франко-алжирские переговоры о прекращении огня, то реакционеры именно в легионе видели силу, способную сорвать эти переговоры.

Науськанные вожаками, парашютисты Иностранного легиона объявили о своей готовности «сесть на Париж». Они ждали сигнала в своих казармах в полной боевой готовности. Транспортные самолеты стояли на аэродромах с работающими моторами, а из окон казарм неслись пьяные голоса парашютистов, оравших популярную в то время песню «Я не жалею ни о чем».

Они ждали приказа генерала Салана, главаря фашистского заговора против французского и алжирского народов, чтобы обрушиться вооруженной лавиной на метрополию, нанести решающий удар по ее республиканскому строю. А когда единое массовое выступление французских трудящихся сорвало попытку фашистского переворота в стране, и террористы из ОАС начали свой «фестиваль бомб» во Франции и Алжире, именно из легионеров составлялись наиболее активные боевые группы ОАС, именно легионеры стали «героями» многочисленных процессов об убийствах из-за угла, покушениях, поджогах, взрывах.

Террор не помог, не помогли и наемники. В марте 1962 года были подписаны Эвианские соглашения о прекращении огня и самоопределении Алжира, а еще через два месяца Алжир праздновал завоевание своей независимости. И пришлось Иностранному легиону убираться из страны, на земле которой он был создай более века назад и где пролил потоки крови мирных, невинных людей.

Легионеры попытались обосноваться во «французской» Гвиане, но отношение населения страны к наемникам было настолько враждебным, что от этого намерения пришлось отказаться.

Позднее новая база легиона была создана в Джибути, столице Французского Сомали. Насилие, грабежи, расстрелы мирных жителей, строительство тюрем и концлагерей – вот чем занимались в этой стране солдаты Иностранного легиона.

Есть мрачная символика в том, что после изгнания французских колонизаторов из Алжира Иностранный легион одну из своих баз устроил в маленьком городке Обане под Марселем, где в годы второй мировой войны размещался гитлеровский концентрационный лагерь – «лагерь смерти», как их прозвали во всей Европе. Там пытали и уничтожали заключенных, среди которых было немало французских патриотов – участников движения Сопротивления. Сегодня методы гитлеровских извергов изучаются и берутся на вооружение наемными войсками.

И теперь представьте мою реакцию на все это мракобесье, когда я из реалий СВО, образца 2023 года, «проваливаюсь» в Африку начала 80-ых и попадаю в структуру, где открыто пропа-

гандируют фашизм! Мягко выражаясь, я охренел, а если сказать прямо, то люто возненавидел всех этих лягушатников и фашистских недобитков.

Причем фраза: «фашистские недобитки» – это не какая-то абстракция, которую вы часто слышите с экрана телевизора из уст различных пропагандистов, нет здесь все предельно просто и лаконично – в 1982 году, человеку родившемуся в 1920-1925 гг., то есть успевшему повоевать во Второй Мировой войне будет около шестидесяти лет, то есть весьма живой и бодрый мужчина у которого в прошлом вполне может быть служба в одном из «Лагереи смерти» или что-то еще похлеще.

Легион, в рядах которого насчитывается около 8 тысяч наемников, хотя по названию и французский, однако по составу больше похож на иностранный. Кроме французов, которые составляют половину легионеров, здесь служат англичане, ирландцы, португальцы, итальянцы, греки, арабы, шведы, американцы и лица других национальностей. Все они живут и действуют под вымышленными именами.

Контракт на службу в легионе наемник подписывает на 5 лет, после чего может выйти в отставку, с фальшивыми документами и под чужим именем. Есть в легионе наемники, которые решились остаться в нем на всю жизнь. Такие обычно делают себе на руке наколку – «Великий неизвестный». Насчет величия профессионального убийцы говорить не приходится, а вот что касается «неизвестного», так это точно. Легионер па всю жизнь теряет свое имя, имена отца, матери, теряет национальность, теряет родину.

Хотя, в принципе, чего я ожидал? Что как только я заявлюсь в вербовочный центр Легиона то меня сразу же примут на должность генерала, осыплют всяческими благами, да еще и в задницу расцелуют? Оно, конечно же, хотелось именно этого, но по факту конечно же получилось иначе.

Это все из-за того, что мы в современной России разбалованы по самое не балуй. Если кто вам скажет, что в Европе царит демократия и всяческое человеколюбие, то полуйте этому дебилу прямо в рожу. Ни хрена подобного! Это у нас в России – демократия и человеколюбие, а у них там в Европах сплошь тоталитаризм, варварство и кошунство. Я ж думал французы – культурные люди, типа носовым платочком всё протирают, вежливые, обходительные, а на самом деле, вроде цыган: крикливые, гомонят, горлопанят по чем зря, еще и свиньи редкостные.

За сорок пять лет жизни я много чего повидал и имею весьма скептический взгляд на эту самую жизнь, но все равно глубоко внутри себя остаюсь неисправимым романтиком, который продолжает верить во что-то такое «эдакое». Одной из таких романтических грез для меня всегда был Французский иностранный легион. Само слов – «легион» или «легионеры». Сразу в голове возникает что-то такое из древнеримской истории...

– Куда ты прешь скотина черномазая! – заорал я на бегущего за машиной паренька.

Мелкий придурок едва не попал под колеса ехавшего следом за нами грузовика. Машина стукнула его правым крылом, подросток отлетел от удара на обочину. Стукнул что есть сил о деревянный борт и как только машина остановилась тут же спрыгнул на красную пыльную дорогу.

Чертова красная земля! Красная пыль в сезон засухи повсюду, она въедается в одежду, кожу, волосы превращая все это своим окрасом в поверхность Марса.

Тяжелая винтовка в руках направлена в сторону ближайшей «зеленка», которая тут повсюду. Глаза рыскают из стороны в сторону в поисках опасности, вроде все спокойно. Знаками показал своей команде рассыпаться по округе, беря под охрану и контроль два наших грузовика. Сам направился к копошащемуся и воющему от боли пареньку в придорожных кустах. Лоб ему расшибло будь здоров, вон как кровища хлещет.

Моя команда, особенно из числа новичков глядит на меня, как на умалишенного. Ну, еще бы, с чего такая доброта и человеколюбие к совершенно постороннему пацану, который

сам бросился под колеса грузовика? Тем более от белого человека? Местные привыкли, что белые не особо их привечают, ставя по шкале ценности в один ряд с обезьянами и крысами. Но, я-то не простой белый, я – русский, а значит, для меня любой человек в независимости от цвета кожи в первую очередь – Человек!

Тут, конечно же, не плохо было вспомнить слова из знаменитой песни Shamana «Я русский», но, честно говоря, я не знаю ни единой его песни, да и сам он как певец мне не нравится, какой-то он слишком слащавый, прилизанный и попсовый. То ли дело Юра Клинский, он же Хой...

Стоп! Про мертвого негра не Хой пел, а «Запрещенные барабанщики». Вот блин, от этой жары в голове каша. Итак, что тут у нас с чернокожим парнишкой? Жив? Сейчас поглядим.

Глава 4

Паренек был щедрушен, как многие африканские дети. Скелет, обтянутый кожей. Оборванные до колен шорты, замызганная майка, слетевшая от удара плетенная из листьев шляпа и полное отсутствие обуви на ногах. Босоногая Африка во всей своей красе!

Пацан, завидев меня тут же выполз из кустов, но не бросился наутек, а наоборот на карачках пополз навстречу, что-то отчаянно лепеча на непонятном мне наречии. Я можно сказать полиглот – за то время что провел в Африке подтянул свои навыки разговорного языка и бегло говорю на французском и английском, так же начал осваивать суахили и арабский – основные языки западного побережья Африки. На каком языке лепетал пацан, я не разобрал, но скорее всего на том же самом наречии, на котором говорили местные племена баконги – язык банту. Причем банту – это не какой-то один язык, вроде русского, это целая семья языков, вроде всех наших словенских, где не факт, что серб поймет русского, а болгары разберут чего там чешут словенцы или чехи.

– Паспарту? – позвал я своего зама. – Что малой чешет?

Паспарту начал закидывать пацана вопросами на тех наречиях, что знал сам, потом видимо понял, чего там пацанёнок лепечет и позвал одного из ветеранов нашего отряда – пожилого Векеса, который был самым старым бойцом в моей группе, ему было почти сорок лет, а по африканским меркам это весьма почтительный возраст. Они тут ведь в Африке много не живут, это вам не Япония.

Пока Векеса, смешно придерживая на бегу винтовку семенил в нашу сторону, я ухватил пацана за голову, осмотрел его рану, промыл её слабым спиртовым раствором и наложил бинтовую повязку. Кости черепа целы – это самое главное, а рассеченная кожа заживет. Шрамы украшают мужчин. Дал пацаненку напиться, а потом еще и угостил кусочком сахара, которые таскал в подсумке специально для таких случаев – одаривать местную ребятню.

Векеса провел короткую беседу с пацаном и тут же доложил о результатах:

– Парень говорит, что в деревне куда мы едем на нас подготовлена засада. Вчера приехали «белые фуражки», некоторых мужчин убили, некоторых женщин изнасиловали, согнали всех детей и женщин в несколько больших сараев, облили стены бензином, мужчин разместили на улице, приказали сидеть тихо, а то сожгут всех. Отец этого паренька, подслушал разговор «белых фуражек», где они совещались, как бы половчее устроить засаду на своих сослуживцев, которые должны приехать сегодня после полудня. После засады, в которой все легионеры должны быть убиты, местных планировали сжечь. Папаша этого пацана тайком разобрал часть стены сарая и ночью этот парень сбежал, чтобы предупредить нас.

– Пацаненок просит, чтобы мы помогли его односельчанам, – лаконично закончил Векеса пересказ разговора с раненым пареньком.

Ага, вон оно как! Ну, что ж рано или поздно это должно было случиться, собственно говоря, к этому все и шло. Придурок Жан Батист Харза все-таки решил пойти на открытое противостояние. Хотя какое оно к черту открытое? Послал группу капрала Себастьяна Самни, чтобы те устроили на нас засаду и перестреляли всех к чертям собачьим. То, что эта будет группа именно капрала Самни я не сомневался, во-первых, именно она вчера рано утром выехала за ворота базы на двух грузовиках и одном джипе, и к сегодняшнему утру так и не вернулась, а во-вторых, Самни, как и его покровитель Харза на меня точат зуб с первого дня нашего знакомства.

– Паспарту, сколько человек было с капралом Самни, когда они вчера покинули базу?

– Двадцать, командант, – тут же доложил зам.

– Знаешь, что они с собой взяли?

– Точно было несколько пулеметов и грузили ящики с взрывчаткой, командант.

– Ну, теперь понятно, почему нам выдали такой скудный боекомплект, да еще и не разрешили брать пулеметы и винтовочные гранаты, – раздраженно хмыкнул я.

Ну, что ж так или иначе, но скрытый от посторонних глаз конфликт между мной и ветеранами «легиона» вызрел и прорвался всплеском гноя. Я конечно же планировал что это произойдет в несколько иной форме, но капитан Харза по большому счету сделал все правильно. Командира базы, где моя группа сейчас тянет лямку, майора Сивонье сейчас на месте нет, он укатил в Джибути по делам. Вместо него командиром базы остался капитан Шлинке – редкостный тупица и алкаш. А вот капитан Харза, хоть и гадливый придурок, но очень коварная и мстительная тварь, он с первого дня на меня зуб точит. Ну, еще бы, ему как потомственному «вишисту» и поклоннику Гитлера, я как славянин был поперек горла. Опять же, сиди я тише воды, ниже травы, признав верховенство ветеранов Легиона над собой, как все остальные новички легионеры, возможно не было никакого конфликта, но я специально провоцировал приспешников капитана Харза, частенько тролля их без особой причины. Мало того, в отличии от остальных белых, я не чурался якшаться с чернокожими легионерами, мало того, сколотив вокруг себя из черномазых банду численностью в дюжину рыл. А в прошлом месяце, несмотря на то что не прослужил еще даже года, получил звание капрала, а всё, потому что моя «банда» выиграла соревнования по армейскому многоборью, утерев нос постоянным чемпионам базы – взводу капрала Самни.

В общем все шло к тому, что меня и мою «банду» порешат. Надо отдать должное, Харза решил убить сразу двух зайцев: избавиться от надоедливого славянина и его команды победителей, а также кардинальным образом решить проблему с тупыми африканцами, которые никак не хотели покидать свою деревню и переезжать на новое место, туда, где не были обнаружены залежи бокситов.

В этой деревне я уже был две недели назад, по приказу майора Сивонье провел переговоры с местными, наладил, так сказать мосты и пришел к кое-каким призрачным договоренностям. За неделю, проведенную в гостях у местного вождя, смог вразумить местных, что им все равно придётся свалить с насиженных мест, но есть шанс неплохо поторговаться с белыми. Я даже помог одному местному мужику из старейшин деревни с его раненой ногой. Старейшину на охоте порвала гиена и нога жутко гноилась, даже странно, что не началась гангрена. Рану хорошенько прочистил, засыпал толченными таблетками антибиотика, вроде помогло. А изначально, местные жители просили ногу отрубить, а культю прижечь. В общем даже с деревней все могло решиться миром, но почему-то большей части белых в Африке хочется все спорные вопросы решать грубой силой.

Сегодня утром мое отделение, которое усилили еще десятком легионеров-новичков подняли по тревоге, и в спешном порядке отправили в эту самую деревню усмирять непонятно почему возникший бунт местных. Почему бунт должны были усмирять именно мы, а не местные власти не понятно. Ладно бы еще была угроза для белокожих из числа работников Компании, но здесь разработки ещё не производились и белых не было. Опять же, совершенно не понятно, почему нам выдали только винтовки и по три десятизарядных магазина на брата. То есть БК с гилькин нос и про пулеметы с гранатами, положенные по штату, приказали забыть.

Теперь всё сходится. Нас гонят на убой, чтобы потом обвинить в засаде местных и под шумок разгромить эту деревню, устроив её жителям геноцид.

– Спроси у пацана, он знает, где точно разместилась засада на нас? – обратился я к Векесе.

Седовласый Векеса перевел мой вопрос. Пацан утвердительно закивал головой, радостно улыбаясь, видимо решил, что раз я спрашиваю, где засада, значит мы вступим в бой и отобьем его односельчан. Есть такая мысль. Отдавать под нож пару сотен африканцев не хотелось, они мне, конечно, никто, но все-таки живые люди, опять же лучше рубить врагов по частям, чем ждать пока они выступят против меня единым фронтом. Сейчас рассчитаем взвод капрала Самни, а в дальнейшем предъявлю счет уже и капитану Харза.

Папан рассказал, что засаду на нас устроили в распадке между двух холмов при въезде в деревню. Злодеи разместились на вершинах холмов, установив на обратных склонах палатки, чтобы с комфортом пережить полуденный зной.

Где располагались эти холмы я знал, дорога, ведущая в деревню, делала зигзаг между двух огромных луж, в которых обычно нежились змеи и всякая ползучая гадость, потом грунтовка перепрыгивала через пересохшую из-за сезона засухи речушку, начинала подниматься вверх и проходила как раз между двумя невысокими холмами. Тот холм, что справа был чуть повыше, а тот, что слева чуть пониже, оба располагались примерно в ста метрах от дороги. Пространство между склонами холмов и пыльной грунтовкой было лишено всякой растительности и складок местности. Короче идеальное место для засады, чтобы перещелкать пассажи-ров двух грузовиков, как мишени в тире.

При всей моей нелюбви к капралу Самни, надо отметить, что вояка он был хороший и опытный, битый волчара, одним словом. У него за плечами долгие годы войн на Черном континенте. Такого на мякине не проведешь. Ну и остальные легионеры в группе капрала Самни тоже все с боевым опытом за плечами.

А вот в моем взводе, который численностью не дотягивает до полного состава в тридцать штыков, опытных бойцов всего трое, включая меня. Остальных, все сплошь новички, первого года службы, у которых из реального опыта только патрулирование и несение караула.

Те двенадцать человек, что составляли костяк моей «банды», их я тренировал лично, делая упор на прикладных приемах ведения боя. Со стороны, ветеранам Легиона, мои тренировки казались каким-то несерьезным действием, но когда я выиграл соревнования, то майор Сивонье проникся и убедился, что я был прав.

Тут надо сказать, что командир базы, куда нас отправили с Паспарту служить сразу же после тренировочного лагеря, не просто так выделил меня из остальных новичков. Я его подкупил, дав в залог один из алмазов и пообещал, что если моя группа выиграет соревнование, то к этому алмазу добавлю еще один. Надо ли говорить, что именно командир базы решал – кто победит в соревновании по многоборью.

Соревнование моя группа выиграла, и я предложил майору подать заявку на участие в следующем этапе турнира, но уже с командами из других баз. В этих соревнованиях было принято делать ставки и соответственно если бы неожиданно победила команда-новичков, то поставивший на неё человек сорвал бы неплохой куш. Именно для того, чтобы прозондировать этот вопрос майор Сивонье и уехал к вышестоящему командованию на ковер, а заодно и пристроить подаренные ему от меня алмазы.

По дальнейшей моей задумке, мою группу должны были освободить от всех насущных дел, чтобы мы могли тренироваться до седьмого пота, а уж потом, когда нас отправят на основную базу Легиона на севере Африки, то дать оттуда деру, купив в Марокко паспорта для всех моих людей. У брата Паспарту в Марокко был старый приятель, зарабатывавший себе на жизнь легализацией беглецов из Легиона, которых на самом деле было очень много, но далеко не всем удавалось уйти от охотников за головами, коих обязательно направляли вслед за дезертирами. Дальше мы планировали перебраться на Восточное побережье Африке, осесть в одной из тамошних стран, где никогда не видели советский инструкторов, специалистов и советников.

Эта небольшая страна на Восточном побережье Африки была окончательной точкой в моем путешествии, именно с этой страной и был связан весь мой план по воздействию на мировые события в целом и в СССР в частности. Какая эта страна, я пока не скажу, секрет.

А получилось, что такой прекрасный план пошел по известному месту из-за какого-то там капитана лягушатника, у которого папашка воевал на стороне Гитлера.

Я, как выросший на советских фильмах и советской пропаганде человек всегда думал, что французы во Вторую мировую войну воевали на стороне СССР против фашистов. Есть очень много героических фильмов про «маки» – партизан французского Сопротивления. Кино

довольно эпичное, и часто показывает тяжёлые бои между гитлеровской армией и местными повстанцами. Наши ленты советского времени тоже прославляли жителей Франции как союзников – например, «Нормандия-Неман», где на самом деле воевало французов меньше сотни.

Да, действительно: были и партизаны, и герои, и лётчики, воевавшие в советской армии. Однако замалчивается, сколько французов встало на сторону Гитлера. И в этом вся проблема...

Уже здесь, в Африке я с удивлением узнал, что французов, воевавших в «Соппротивлении» против фашистов, было в пятьдесят раз меньше, чем тех, кто добровольно воевал на стороне Гитлера. Почти все заграничные колонии Франции открыто поддержали Петена и его «вишистский режим».

Франция сдалась немецким войскам 22 июня 1940 года, продержавшись против бронетанковой армады нацистов лишь 43 дня. Вскоре в городе Виши было основано профашистское правительство во главе с маршалом Анри Петеном, после встречи с Гитлером, провозгласившим курс на сотрудничество «коллаборацию» с Третьим рейхом. Никакого сопротивления оккупантам во Франции не было несколько лет. Немцы спокойно гуляли по улицам французских городов, ели пирожные в кафе, развлекались в борделях. На стороне Гитлера против СССР по разным подсчетам воевало больше трехсот тысяч французов и самое скверное, что все они были добровольцы.

Ладно хрен с ним с давно сдохшим маршалом Петеном, чтоб его в Аду черти хорошенько коচেгашили. У меня есть дела более важные и насущные.

– Командант, – позвал меня Векеса, – паренек говорит, что он нам помогает, потому что его дед, которому вы вылечили ногу сказал, что вы – белый Бог и вы спасете всё их племя.

– Белый бог, говоришь? – задумчиво повторил я.

– Ага, – кивнул седовласый боец.

– Ожидаемо, – буркнул я.

Африканцы очень набожные люди, причем все! Каждый африканец верит в Бога! Неважно кто он: простой крестьянин, солдат, министр обороны или отучившийся в Союзе специалист, который привез из СССР белокожую жену. Все африканцы верят в Бога! Но если для жителя Европы, СССР или Ближнего Востока вопрос веры в бога стоит просто – у христиан свой бог, у евреев свой, у мусульман свой, то у африканцев этих богов может быть несколько, причем в обоих божествах, набожные африканцы будут верить одинаково неистово и искренне.

Ни один другой регион мира не претерпел столь стремительных преобразований в религиозной сфере, как Африка. Если в начале прошлого века здесь доминировали этнические, традиционные африканские религии, то сегодня их место заняли христианство и ислам, к которым примерно в равных пропорциях принадлежит большая часть населения континента. Во многих африканских странах этот переход произошёл при жизни одного поколения, тогда как в Европе и России замещение этнических религий христианством занимало сотни лет.

Скорость преобразований в религиозной сфере находит отражение в синкретизме, при котором верующий исповедует сразу несколько религий. Даже после перехода в мировую религию африканец может пользоваться традиционными амулетами, придерживаться различных суеверий, посещать шамана и места, традиционно считающиеся священными. В реликтовой форме суеверий этнические религии в той или иной степени сохраняются почти повсеместно в мире. Некоторые формы синкретизма глубоко проникли в учение мировых религий, что особенно характерно для протестантских течений, и даже выросли в самостоятельные религии: например, христлам – смешение христианства и ислама на основе культуры народа йоруба в Нигерии – или в учения многочисленных африканских независимых церквей. Учитывая все разнообразие существующих в мире религиозных практик, вопрос о существовании «эталонных форм» столь крупных религий спорный, но обряды и убеждения африканских верующих действительно во многом уникальны.

В отличие от европейских стран, присутствие религии в жизни африканских обществ не ограничивается посещением храмов или мечетей, она проникает во все сферы жизни.

Ещё одна особенность Африки состоит в интенсивности религиозной конкуренции. Активная борьба за верующих между мировыми религиями и их направлениями создала питательную почву для конфликтов, возникновения террористических квазирелигиозных организаций, становления этнорелигиозных радикальных движений и других деструктивных процессов. Кроме того, религиозные организации стали всё чаще вовлекаться в общественно-политические процессы, вступая в конкуренцию с государственными структурами.

В общем, в какой-то момент, когда меня окончательно достали ахи и вздохи Паспарту, который на каждом шагу повторял, что я – Бог, пришедший на эту землю чтобы дать свободу и принести великие блага всем африканцам, я решил, что надо использовать набожность и простодушие африканцев в своих целях.

С чего начинается своё дело каждый уважающий себя самозванный Бог? Конечно же со сбора своей паствы и проведения проповедей. Этим я периодически и занимался: собирал вокруг себя сослуживцев и проводил среди них пропагандистские речи, которые со стороны выглядели совсем как религиозные проповеди. Думаю, делали бы так военные советники из СССР, то шансов на успех у них было бы гораздо больше, чем когда они пытались привить африканцам идеи Маркса и Энгельса. С людьми надо быть проще, а взгляды на жизнь иметь ширше!

– Построиться! – гаркнул я, после принятия окончательного решения.

Подчиненные мне бойцы тут же выстроились в два ряда. Всего в строю было девятнадцать человек. Немного, но и не мало. Когда я «провалился» в прошлое у меня было и того меньше – жуткая жажда и головная боль. А теперь у меня есть верный подчиненные, оружие, кое-какие финансы в карманах, а самое главное – есть четкий план и заветная цель.

– Камрады! Враг приготовил для нас засаду, исчадия Ада хотят убить нас, – говорил я проникновенно и эмоционально, всё как простые африканцы любят, – но у них ничего не выйдет, потому что Я с вами и Бог на нашей стороне. Этот парень, рискуя своей жизнью предупредил нас об опасности, – я указал рукой в паренька с обмотанной головой, – а знаете почему он это сделал?

Выстроившиеся передо мной чернокожие солдаты жадно ловили каждое моё слово и если ветераны, привыкшие к таким речам, выглядели вполне спокойными и уверенными в себе, то новички, слышавшие мой голос в подобной интонации впервые, явно шалели от каждого слова.

– Он нам помог, потому что недавно я спас от верной смерти его родственника! – мой голос звучал все сильнее и сильнее. – Многие из вас тогда тайком смеялись надо мной, – я тут же грозно ткнул пальцем в сторону новичков, бывших с нами в недавнем визите в эту деревню. – Ну, еще бы, вы думали, что глупый, белый мзунгу не понимает, что творит! Какое ему дело до немощного старика, который одной ногой уже в могиле! Верно? Вы так думали?! – кричал я, злобно тараща глаза на парочку солдат в первой ряду.

Те, на кого я смотрел и в кого тыкал пальцем, скорее всего, ничего не думали плохого про меня, но, что поделать если у каждого театрализованного представления есть свои правила и каноны, а значит им надо следовать, чтобы получить нужный эффект. Бойцы в первом ряду нервно зашевелились и опасливо стали отодвигаться от парочки в центре, на коих я тыкал пальцем, обвиняя в скудоумии.

– А между тем, если бы я тогда не помог этому старику, то его внук не предупредил бы нас об опасности, а значит все вы уже погибли бы от пуль трусливых исчадий Ада, которые только и могут, что нападать исподтишка! Вы все бы погибли! Всё!!! Кроме тех, кто мне верен и кого бы я защитил своей властью и силой!

Не знаю, как это работает, но в такие моменты, публика перед которой я двигал столь пламенные речи будто бы впадала в транс и трепет, превращаясь в доверчивых кроликов, кото-

рых уже обвили кольца ядовитой змеи. После провала в прошлое у меня неожиданно обнаружился не хилый такой дар убеждения. Я и раньше был горазд заболтать кого угодно, строя слова в предложениях таким образом, что слушавшие меня люди почти всегда делали то, что я от них хотел. Чему-то в прошлой жизни я учился специально, а что-то получалось само собой. И если с обычными людьми в прошлой жизни у меня эти выкрутасы с убеждением и внушением получались с вероятностью в 50-70 процентов, то с африканцами был почти 100 процентный результат. Видимо психологически люди из прошлого более внушаемы, чем россияне в двадцать первом веке.

– Когда мы убьем этих проклятых демонов, которые задумали против нас ужасное, то я и все, кто пойдет за мной, покинем Легион. Обещаю, что вы мои верные камрады не пожалеете, что доверились мне. Ваше жалование в Легионе будет сохранено, я буду платить вам из своего кармана, так же гарантирую вам, что в ближайшем будущем вы все станете богачами и уважаемыми в обществе людьми. Кто боится, не готов воевать и хочет вернуться в Легион, тем будет сохранена жизнь и оружие. Итак, я спрошу вас один раз мои верные камрады: «Вы готовы пойти за мной? Если, да, то шаг вперед!»

Две шеренги дрогнули, стоящие позади первого ряда ветераны сделали шаг вперед, тем самым подтолкнув первый ряд новичков...и как-то само собой так получилось, что весь отряд сделал шаг вперед. Все как я планировал.

– Отлично! – весело гаркнул я. – Благодарю за службу и оказанное доверие. Да прибудет с вами Сила!

Потом я провел короткую перегруппировку, разделив отряд на две группы: штурмовую и основную. Штурмовая группа должна будет незаметно подкрасться к вражеской засаде с тыла и завязать бой, а основная группа на двух грузовиках отвлечет внимание на себя и перекроет пути отхода вражескому отряду. БК перераспределили – каждому штурмовику предназначалось по 5 магазинов на брата, а у остальных выходило по 2-3 магазина к винтовке.

– Командант! – обратился ко мне Паспарту, потрясая сумкой набитой чем-то тяжелым. – У меня есть небольшой запас патронов. Здесь сотня выстрелов.

– Отлично, Паспарту, – похвалил я своего зама, – не даром ты считаешься первым среди моих камрадов! После боя я щедро вознагражу тебя. Раздай патроны всем поровну.

На самом деле эти сто патронов мы собирали с Паспарту вместе, но я выставил все таким образом, что эта заслуга лично Паспарту. Ничего личного, просто очередная манипуляция и скрытое управление.

Отряд построился перед выходом. Штурмовую группу поведу лично я, сперва мы проведем разведку, и если все окажется как нам удобно, то сразу вступим в бой. Плохо что раций у нас нет, придётся побегать по саванне вестовым, неся донесения от меня к основному отряду, оставшемуся у грузовиков.

– Бык! Пацана возьмишь на загривки, он будет показывать дорогу, свою винтовку и БК отдай кому-нибудь.

Паренька с перемотанной головой взвалил себе на спину самый здоровый боец моего отряда по прозвищу Бык, спустя пару минут группа выдвинулась на боевую задачу. Пошла работа!

Глава 5

Переход от места, где среди зеленки стояли наши грузовики до гребня небольшой складки, занял час. Могли бы и быстрее пройти, но все же надо было соблюдать определённые правила скрытности, опять же пешая прогулка по африканским лесам, это вам не по грибы сходить в Подмоскowie, где самый опасный зверь – это клещ или звериная нора, попав в которую можно сломать ногу. В африканских джунглях опасностей больше, чем в «серой» зоне СВО на линии боевого соприкосновения. Воюя «на сале» можно было быть застреленным, взорванным на mine или пораженным в результате прилета вражеской артиллерии, а в джунглях Африки можно подхватить кучу смертоносных болячек из-за контакта с местными насекомыми или червями.

К примеру, некатороз и анкилостомоз, причиной которых являются мелкие черви, которые могут проникать в организм, как вместе с едой, так и просто прогрызая кожу. Поэтому очень важно носить обувь с хорошей подошвой и не лежать на земле без подстилок и одежды.

Дальше: вухерериоз, лоаоз, лейшманиоз, африканский трипаносомоз. Не хочу вас пугать, но некоторые из этих болезней, не показывают своих симптомов долгое время. Бороться можно только одним способом – быть бдительным и обеспечив себе полную защиту от насекомых, которые представляют серьезную опасность.

А чуть не забыл! Шистосомоз, стронгилоидоз, парагонимоз, клонорхоз, дракункулез. Здесь совет простой – следите за тем, что вы пьёте и едите. Также старайтесь не купаться в пресных водоёмах и не лежать на голой земле. Как вам такое? Если надо форсировать речку вброд, то тысячу раз подумайте о всех вышеперечисленных -озах!

Откуда я знаю про все эти болячки и паразитов, вызывающих их? Прочитал на плакате, который висел в коридоре напротив медкабинета на тренировочной базе Легиона. У французов весьма странные понятия о рабочем времени, им промариновать в коридоре очередного кандидата в легионере пару лишних часов в радость, вот я и прочитал по несколько десятков раз все плакаты что там были развешаны на стенах. Одним словом: Африка – это жопа мира!

Так это я еще попал в тело своего отца в 80-ые годы прошлого столетия, то есть «метнулся» в прошлое всего на сорок лет назад. Причем провалился, так сказать, не из теплой постели мирной жизни, а из пекла войны, где проторчал последний год своей жизни. Можно сказать, что я был человек привычный к тяготам и лишениям, а прикиньте я бы оказался в Африке 80-ых не пройдя испытания и закалки войной? Тогда, чего уж греха таить, прожил бы не больше пары часов. А если бы нелегкая закинула меня на пару столетий дальше в прошлое? Куда-нибудь в те годы, где нет еще антибиотиков, антисептиков и ружья заряжают со ствола дымарем! Всё пиши пропало! Пару часов и мой труп обгладывали тогдашние хищники или каннибалы. И как все эти писатели-фантасты умудряются засылать в прошлое задротов-очкариков, юношей-студентов, которые не имеют богатого жизненного опыта за плечами? Им жить в условиях среднего века пару часов, а может и того меньше. Причем неважно в кого вы «попали» в деревенщину или принца. Деревенщину приберет местный староста, «шериф» или родня, а принца, гарантированно отправит к предкам знать, прислуга или всё те же родственники.

В общем лежу я на земле, хоть и знаю, что на ней опасно лежать, гляжу в бинокль на засадников, которые вольготно расположились в палатках и размышляю о своих тяготах и лишениях. Вестового в тыл, к грузовикам отправили, надо ждать пока он доберётся к ним, а потом еще и выждать пока машины сюда доедут. Как ни крути час-полтора времени есть. А чего еще делать? План атаки на врага расписан и донесен до подчиненных, окрестности осмотрены, пути отхода и штурм определены. Ну, не о бабах же мечтать? Повторюсь – я в Африке и СПИД пошел как раз из тех самых мест, где я сейчас нахожусь. Да, до массового распространения

этой болячки еще пару лет, но начала она свое победное шествие по планете как раз в начале 80-ых с экваториальной Африки, поэтому о бабах тут лучше не думать.

Кстати, о СПИДе. Именно о нем я сообщил советским гражданам, встречу с которыми подстроил в Танзании. Я все-таки решил, что надо как-то выходить на контакт со своими соотечественниками. При этом я никак не планировал спасти СССР от развала, наоборот я хотел все сделать таким образом, чтобы Союз точно развалился на части, но эти самые части заметно отличались от того, что произошло в 1991 году в мое время.

Ладно, раз уж делать нечего, и я просто так валяюсь на земле, то расскажу о событиях, которые случились со мной после того, как мы с Паспарту покинули гостиничный номер, в котором остались лежать два холодных трупа.

Хорошенько подумав на трезвую голову, я решил, что нельзя вот так сразу бежать из городка, где у Паспарту есть множество полезных связей. В Мтвара мы пробыли неделю, где за сравнительно небольшие деньги сделали себе два паспорта. Причем это были не фальшивые паспорта, а вполне себе легальные, выданные в местном аналоге паспортного стола. У меня в паспорте значилось: Пьер Чехофф, 1955 года рождения, рожден в столице Болгарии, судя по дате выдачи, паспорт был мной получен еще год назад. Паспарту тоже изменил себе ФИО, дату и место рождения. Он теперь вполне официально звался – Паспарту. Дернул же меня чёрт назвать его не существующим именем при первой встрече. У африканцев оказывается вполне нормально иметь несколько имен.

Африканские имена скрывают в себе тайный смысл и определенное значение, поэтому они тщательнейшим образом скрываются от окружающих. Подобное имя будет известно только наиболее близким людям. Назвать свое «истинное» имя – значит быть уверенным в надежности, уважении и доверии человека. Коренное население полагает, что африканские имена оказывают значительное воздействие на то, как сложится судьба человека, и даже на то, как он будет выглядеть. Человек, нарекаемый значимым именем, словно идет по предначертанному пути, его жизнь имеет свой особенный смысл. Имя может быть двойным, то есть одна из частей может носить положительный, а другая – отрицательный характер. В таком случае первая часть относится к личному имени, а вторая служит составляющей вербальной защиты человека от окружающего негативного воздействия. Кроме того, африканские имена имеют еще одну отличительную особенность: они могут изменяться на протяжении всего жизненного пути человека. Это необходимо для того, чтобы запутать злых духов, которые подстерегают человека и толкают его на необдуманные и плохие поступки. Изменение имени сбивает их с толку и таким образом оберегает человека. Тем не менее, наблюдая как живут люди со светлой кожей, африканцы изменяли свои уникальные имена на христианские. Бытует поверье, что это позволит переманить удачу белого человека.

Паспарту очень сильно обрадовался, что его новый хозяин, то есть я, нарек его собственным именем.

– Господин, а что значит мое имя? – спросил Паспарту.

А хрен его знает, – хотел ответить я. Имя то было взято из книги Жуль Верна, но не буду же я так отвечать моему новому слуге и другу.

– Это имя означает, что его носитель – доверенное лицо и близкий друг, на которого всегда и во всем можно положиться, – сообщил я Паспарту, придумав на ходу толкование вымышленного имени.

– Очень хорошо! – обрадовался Паспарту и уже через пару дней у него в руках был паспорт, в котором значилось что он Паспарту Советик.

Фамилия Советик, как вы уже, наверное, догадались означало в понимании Паспарту, что он – «советский» гражданин. Наивный африканский парень, думающий, что, изменив ФИО можно изменить и свою судьбу. Я вот, к примеру, пожелал, чтобы моя новая фамилия заканчивалась на благородное двойное «ФФ» в конце – Чехофф. Стал ли я от этого наследни-

ком дворянского титула? Конечно, нет, но зато теперь я могу пускать пыль в глаза каждому встречному-поперечному, намекая на свое родство с российской царской семьей. С каждым днем, проведенным в Африке я все больше и больше чувствовал себя Остапом Бендером, он же Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей Бендер-Задунайский. Кажись такое было полное имя у великого комбинатора.

Такое шикарное начало моих африканских походов вселило в меня весьма радужные надежды на безбедное существование на Черном континенте. Служебный паспорт гражданина СССР открывал передо мной двери в любом государственном учреждении тех африканских стран, где были на официальном уровне приглашены советники из Союза. Даже танзанийский паспорт мне и Паспарту выдали так быстро не столько благодаря щедрой взятке, сколько тому, что при первой встрече с нужным чиновником я козырнул своим служебным паспортом, а потом еще и вел разговор на русском языке. Короче, можно было не заморачиваться с Иностранным легионом, но...

Не десятый день пребывания в Танзании я заметил, что за нами с Паспарту ведется слежка, а потом парочка каких-то хмурых типов попыталась захватить меня в плен. Я ж в Африку свалился непосредственно с войны «на сале», поэтому человек резкий, еще не успевший влиться в мирные реалии, опять же пистолет был в кармане...короче, пристрелил обоих типов не особо разбираясь, чего они от меня хотели и к какой стране принадлежат.

Уже потом, когда мы с Паспарту плыли на лодке вдоль побережья на север, я подумал, что возможно те два хмурых типа, которых я «задвухсотил» из пестика были вовсе не враги, а свои, родные советские сотрудники КГБ. И сперва надо было разобраться, а уж потом палить почему зря. Но, шо сделано, то уже сделано. Из Танзании мы с Паспарту попали в Кению, потом в Эфиопию и уже оттуда в вербовочный пункт Иностранного легиона в Джибути.

В Кении я случайно встретил советских моряков, вступил с ними в диалог, вышел на комсорга корабля, а потом и капитана, который свел меня с сотрудником КГБ. К тому времени, я уже знал, что будут говорить советским гражданам, с которыми всё время искал встреч. Легенду придумал просто шик! Любо-дорого было бы послушать, Кэмерон потом бы обвинил меня в плагиате на сценарий его «Терминатора». Как ни странно, но сотрудник госбезопасности выслушал меня вполне спокойно принял записку и пообещал все донести до вышестоящего руководства. Так же договорились с сотрудником «комитета глубинного бурения» о дальнейших встречах и кодовых словах, которые я должен буду назвать, зайдя в любое советское посольство на Черном континенте.

После Кении спустя пару недель, когда мы прибыли в Эфиопию, я заскочил в советское консульство назвав охране кодовое слово:

- Меня зовут Чех, – представился я на русском языке, – меня ждет консул или посол.
- Чех? – спросил охранник при входе через переговорное устройство.
- Да.
- Посольство Чехословакии находится в столице страны, здесь нет их представительств.
- Вы не поняли, я не чех по национальности. Чех – это кодовое слова для связи, просто передайте консулу, что пришел Чех, он все поймет.
- Ждите.

Прождал я больше часа, ко мне так никто не вышел, а вернувшийся охранник сказал, что связались с посольством в Аддис-Абебе и там ни о каком Чехе их не предупреждали, так, что я могу гулять себе дальше и не морочить им голову. Я оставил охраннику записку для консула и отправился дальше, понимая, что раскатать советскую бюрократическую машину будет ой как не просто.

Вместе с нами путешествовал и брат Паспарту, который нанялся ко мне вторым слугой за единоразовую выплату в две тысячи долларов, на два года. звали брата Паспарту – Ботсван. Деньги Ботсван отдал своей семье, а сам поехал с нами.

Кстати, Ботсван по африканским меркам был весьма интеллигентным и образованным человеком, хоть и имел за плечами два тюремных срока и законченный пятилетний контракт в Легионе. Именно с Ботсваном мы выработали план дальнейших действий. Сейчас брат Паспарту был на очень важном задании, собирая разведданные и полезную информацию. От него зависело очень многое в будущем, надеюсь, что Ботсван не подведет и сделает всё как надо.

Если сперва я думал, что мне очень сильно не повезло, когда злая судьба закинула меня в Африку сорокалетней давности, но потом поразмыслив, я понял, что всё как раз наоборот. Это поначалу мне казалось, что из Африки никак нельзя воздействовать на ход мировых событий, тем более происходящих в далеком СССР. Ну и как место проживания, Черный континент, мягко выражаясь, не самое комфортное место на Земле, но потом я понял, что оказался именно там, где и должен быть. Африка начала 80-ых – это то самое место, откуда не то, что можно, а нужно воздействовать на весь мир в целом и на СССР в частности. Кажется дико и непонятно, но если простыми словами, то оказаться в Африке в начале 80-ых имея определённый, пусть и самый примитивный багаж знаний о ближайших мировых событиях, это тоже самое что знать о дефолте 1998 года и оказаться в России с крупной суммой в рублях в первых числах августа 98-го года, где купить доллар по семь рублей за один доллар, а спустя пару месяцев продать их за двадцать пять рублей.

Не понятно? Хорошо объясню по-другому в мельчайших подробностях, что я придумал и тогда...

За дальним косогором, который был от нас примерно в паре километров мигнул солнечный зайчик. Сигнал! Скоро грузовики будут здесь.

Сейчас некогда рассказывать о моих планах и какие шаги я решил предпринять, чтобы воздействовать на будущее в целом и на Советский союз частности. Потом как-нибудь расскажу...

– Приготовиться, – обратился я к своим подчиненным, – все помнят, что делать?

Африканцы закивали головами и приготовились к бою. Я тоже положил тяжелую винтовку поудобней, оперев её в расщелину между двух камней. Цели разобраны и роли каждого бойца в группе расписаны. За время лежки в засаде я заставил негров повторить по несколько раз, что каждый из них должен делать: в кого стрелять, куда и как бежать, где занимать промежуточную позицию.

Еще раз мысленно проклял французский оружейный гений, который создал эту мотыгу, которые нам выдали в Легионе. Ну почему, когда все прогрессивное человечество уже вовсю пользовалось АКМ и М-16 французы решили создать винтовку MAS, модернизировав несколько раз древнюю рухлядь?

За основу своего нового творения французская оружейная фирма MAS взяла модели 40-го года и основательно их доработала с учетом опыта войны. Поэтому они не стали много думать и вместо создания полноценного автомата создали самозарядную винтовку с магазином всего на десять выстрелов и длиной изделия больше метра. Масса каждого изделия достигала 4,7 кг, что реально много. Для сравнения, советский АКМ весит со снаряженным магазином на один килограмм меньше этого чудо оружия. Корпус винтовки выполнен из оружейной стали с использованием деревянных элементов.

– Пошли! – отдал я короткую команду.

Четверо бойцов, низко прижавшись к земле, побежали в сторону противника. Холм, на котором засели вражеские солдаты находится в трехстах метрах от нас. Вроде немного, но это триста метров открытого пространства, где нет ничего кроме поросшей сухостоем красной земли. Единственная более-менее приемлемая защита на пути – в ста метрах, в самой низине распадка, россыпь бело-серых валунов. За этими каменюками можно будет спрятаться, но валяться придётся на самой земле, буквально вжавшись в неё и молясь всем богам, чтобы легионеры капрала Самни, находящиеся на господствующей высоте, не достали из ручных пулемё-

тов. Вооружены солдаты противника были отлично – несколько ручных пулеметов, автоматы ФАМАС Ф1 и пулемет АА-52 на трехногом станке.

Из наблюдений стало ясно, что на холме расположилось шестеро бойцов под командованием непосредственно капрала Самни, сколько было на втором холме неизвестно, но думаю человека четыре, максимум шесть. Остальные, скорее всего, в деревне охраняют загнанных в сараи местных деревенских жителей.

Четверо атакующих бойцов смогли пробежать половину пути, когда я понял, что дальше медлить нельзя, иначе противник заметит их и мы лишимся фактора внезапности.

Вражеские наблюдатели заметили приближение наших грузовиков, крикнули своим товарищам, которые находились в палатке, те полезли наружу.

– Огонь! – скомандовал я.

На косогоре, не считая меня осталось пятеро бойцов. Пацана, который показывал нам дорогу, я не считаю, он сейчас прячется в кустах ниже по склону.

Триста метров, разделяющих нас с противником – более чем приемлемая дистанция для стрельбы из винтовки. Плохо, что в винтовочном магазине всего десять патронов, мы никак не сможем устроить высокую плотность огня. Опять же перезарядка у винтовки, с этой дебильной защелкой на корпусе магазина – тот еще цирк. Это тебе не АК, где вогнал магазин в приемник, и он гарантированно встал, как влитой. Тут надо загнать магазин, а потом еще и защелку зафиксировать. Оно вроде и недолго, на инстинктах всё, но в спешке можно не дожать и магазин вывалится из приемника на землю.

Винтовка тяжелая, но когда стреляешь из укрытия, уложив её на импровизированный бруствер, то это больше достоинство чем недостаток. Цель – палатка, в которой сейчас находятся четверо из шести бойцов противника.

Двое моих бойцов стреляют по двум наблюдателям на вершине холма, третий контролирует результаты попадания и в случае необходимости дорабатывает ту цель, которая окажется не поражена. Остальные двое бьют по выскочившим из палатки легионерам, я контролирую результат их стрельбы. Потом перезарядка: старшие в тройках стреляют, а двое их подопечных в этот момент перезаряжаются. Ну, а пока мы с вершины косогора давим противника жидким огнем, то четверо бойцов сокращают дистанцию, чтобы приблизиться к вражеской позиции максимально близко. Настолько близко, чтобы результативность стрельбы повысилась в разы. Не буду лукавить и скажу прямо – стрелки из моих легионеров-новичков пока что аховые!

Приклад винтовки лягает в плечо, пуля за пулей уходят в цель. Я спокойно отстреливаю магазин, не обращая внимание на царившую вокруг суету. Пули летят кучно, винтовка, хоть и морально устаревшая, но надо отдать должное – бьет точно.

Мои подчиненные все-таки наивные дитя, они вместо того, чтобы методично стрелять по врагу после первых же удачных выстрелов прекратили стрельбу и принялись прыгать, махать руками весело отмечая победу, которой пока еще даже и близко не было.

Из палатки выскочило двое легионеров, оба упали сраженные нашими пулями. Где еще двое?!

– Огонь! Огонь! – заорал я на скачущих от радости подчиненных. – Макаки черномазые, хули вы тут скачите, как бабуины! Стреляйте, мать вашу за ногу да об пальму со всего размаху! – пнул по заднице ближайшего ко мне скакуна.

Бойцы, получив волшебного пенделя, прониклись всей серьезностью ситуации и принялись стрелять по палатке, где скорее всего и находились двое недостающих вражеский солдат.

– Остаешься тут, прикрываешь огнем, – приказал я Векесе. – Остальные, вперед, за мной, – крикнул я и рванул вниз по склону.

Бежал, внимательно смотря под ноги, чтобы не дай бог, не влететь в какую-нибудь яму или нору. Перелом сейчас равен смерти. На бегу перезарядил винтовку, вогнав третий по счету магазин. Катастрофически мало БК!

– Вперед! Вперед! – крикнул я, махая свободной рукой, приказывая первой четверке бойцов сойтись с противником вплотную. – Вперед!

Догнал, а потом и вовсе перегнал четверку бойцов, которые надо сказать бежали не слишком резво, да еще и выпрямившись в полный рост, как самые натуральные ростовые мишени на стрелковом полигоне.

– Пригнитесь макаки тупорылые! – рявкнул я. – Совсем забыли, чему я вас учил?!

С разбегу перепрыгнув через каменные валуны, побежал уже вверх по склону того самого холма, где маячила своим шатром белая парусиновая палатка. Впереди, на вершине холма раздалась короткая автоматная очередь, потом несколько разя отрывисто рявкнула винтовка, затыкая автомат.

Позади раздался отчаянный вопль, полный ужаса и боли. Присел и тут же развернулся назад в поисках опасности. Один из моих бойцов, перепрыгивая через камни умудрился то ли подвернуть, то ли вовсе сломать ногу. При этом орал он так громко и пронзительно, будто бы его сейчас распускали на циркулярке.

– Удо, останься с раненым, остальные бегом вперед! – приказал я.

Повернулся, выпрямился и вновь побежал на вершину склона. Добежал до палатки, заглянул внутрь, благо полог был распахнут. Стенка палатки, противоположная от входа разрезана ножом. В длинной бреши лежит тело, еще одно, чуть выше по склону. Оба в крови. Ага, а вот и два недостающих легионера нашлись. Двух убили сразу, еще двух застрелили после, ну и эти двое, что были в палатке, тоже мертвы. Значит все шестеро – прибаранены!

Хорошее начало, у противника все – «двести», у нас один «триста», пока идем отлично. А все ли бойцы противника убиты? А то, знаете ли, бывали прецеденты. Как-то помню взяли штурмом опорник укропов, а там два трехсотых зачухана, один даже обсосанный был, пацаны, которые брали укропов побрезговали их обшмонать, а в итоге тот, что обсосанный был пестик припрятал одного нашего успел застрелить и еще двоих ранить. Потом его Сёма Бамут из пулика рассчитал. Когда документы этого обсосанного проверили, выяснилось, что он цельным полковником СБУ. Так, что любых «двести» надо проверять и делать контроль.

Вскинул винтовку и выстрелил в затылок одному из лежащих на земле легионеров, труп покорно принял пулю в свою плоть, расплескав мозги из лопнувшей черепной коробки. Перевел ствол винтовки на затылок следующего мертвеца, и только я хотел нажать на спусковой крючок, как «труп» ожил, перевернулся на спину, а на меня зыркнул ствол пистолета.

Бах! Моя винтовка выплюнула пулю, которая тут же раздробила предплечье легионера.

– О-ооо! Какие люди?! – весело цокнул я, узнав притворщика. – Капрал Самни, собственной персоной.

Капрал ухватился за простреленное предплечье, пистолет отлетел в сторону. Я навалился сверху, вмазал капралу в морду, заломил здоровую руку, вывернул её, а потом связал запястье и лодыжку. После того, как капрал был обездвижен, перебинтовал ему рану и перетянул куском веревки, чтобы он не истек кровью.

– Ну, что Самни встретились? – широко улыбнулся я. – Ну, рассказывай все что знаешь если хочешь жить.

– Пошел в жопу свинья славянская!

– Ладно, потом поговорим, – отмахнулся я и ударом ноги отправил капрала в отключку.

Подхватил с земли автоматическую винтовку Самни – FAMAS F1, он же «Горн», распахнул запасные магазины по подсумкам. «Горнов» в Легионе было мало, оружие по меркам этого времени революционное. Булл-пап – это ж ни хрена себе в начале 80-ых! Внешний вид FAMAS F1 был, мягко говоря, не типичен для этого времени. Это в двадцать первом веке булл-пап удивления уже не вызывает, и французская штурмовая винтовка уже стала частью массовой культуры, ее показали в фильмах, играх, сериалах. А в нынешнее время «горн» – экзотика и шедевр оружейной мысли. Помимо внешнего вида, можно отметить: пламегаситель, позво-

ляющий метать гранаты прямо со ствола; переводчик огня, расположенный внутри спусковой скобы; переключатель позади магазина, позволяющий перевести оружие на режим стрельбы короткими очередями по 3 патрона.

Ствольная коробка FAMAS достаточно компактна, большая часть деталей корпуса оружия, включая цевье, приклад, корпус УСМ и рукоятку для переноски, выполнены из пластика. Прицельные приспособления в виде мушки и диоптрического целика установлены на стволе на специальных стойках, скрытых в рукоятке для переноски. На рукоятке для переноски может крепиться направляющая для оптических прицелов, а на цевье спереди имеются складные легкие сошки из алюминия.

Как по мне автомат так себе, но для этого времени офигенная вещь... хотя нет, «каламату» даже в подметки не годится, особенно АК-74М. «Горн» снабжен насадкой для стрельбы винтовочными гранатами, правда, тут французы перемудрили – для разных типов гранат они придумали использовать разные патроны для вышибания гранат. И если вдруг боец в горячке боя не тем патроном вышибет ни ту гранату, то будет большой ай-йя-йя.

Забрав автомат, метнулся на вершину холма, где уже активно работал пулемет АА-52. Бык стрелял короткими очередями в сторону противоположного холма, откуда в нашу сторону работал вражеский ручник.

– Гранаты! – приказал я одному из своих подчиненных. – Давай навесом по вершине холма. Запускай гранаты одну за другой! Эжен, помоги ему, – я ткнул пальцем в невысокого бойца с абсолютно лысой головой, – возьмете две винтовки и поочередно запускайте гранаты по вершине холма и его обратной стороне.

– Но, тут мало осколочных гранат, – заметил Эжен.

– Не важно, отстреливайте любые, какие есть, главное прижмите их, пока грузовики подъедут.

Завертелась карусель боя – два бойца методично забрасывали винтовочные гранаты на противоположный холм, благо до него было меньше трехсот метров, а Бык стрелял короткими очередями не давая высунуться противнику. Подошедших бойцов, усилили двумя ручными пулеметами и отправили в обход, чтобы отрезать противнику пути отступления. Через пару минут подъехали грузовики, из которых выбрались оставшиеся бойцы моего маленького отряда и выстроившись в шеренгу принялись как на учениях стрелять куда-то в чистое поле, видимо по отступающим вражеским бойцам. Потом несколько моих подчиненных запрыгнули в кабину грузовика и покатали к обратной стороне холма, скорее всего, как и было им приказано, хотели собрать трофеи и подобрать трупы вражеских солдат. Второй грузовик покатиł в нашу сторону.

Пока машина подъезжала к подножию холма, я осмотрел собранные трофеи и содержимое палатки. Под днищем палатки нашел плотный сверток брезента, размером с пару красных кирпичей. Развернул брезент и удивленно цокнул языком. Лиры! Итальянские лиры в приличном количестве. Банковская упаковка с прописанным на обмотке номиналом. Ого! Миллион! Интересно миллион итальянских лир в 1982 году – это много или мало? Сколько и чего можно купить на миллион лир? И почему у французского капрала оказалась заначка из итальянских лир, а не из франков? Интересно девки пляшут...

Раненый боец оказался, слава богу, без перелома, а просто с вывихом, который опытный Векеса сразу же вправил. А орал-то боец орал, так будто бы ему полступни оторвало «лепестком».

– Пулеметы, гранаты и автоматы забираем с собой. Все в грузовик! Здесь останутся Векеса, Чак и хромой. Всех, кто будет двигаться по этой дороге в независимости от направления останавливать, будут сопротивляться, стреляйте. Тент спереди над кабиной разрежьте и выставьте пулеметы. Въезжаем в деревню, сразу же прочь с кузова, рассыпались и зачищаем все постройки, – сыпанул я приказами. – Паспарту твой грузовик проскочит через всю деревню

на полной скорости и перекроете дорогу на выезде, чтобы ни одна мышь не проскочила. Смотрите, чтобы капрал не сдох, мне его еще допрашивать. В деревне должно быть еще восемь бойцов. Пока молодцы, хорошо воюете. Я и Бог, вами довольны! – ткнув указательным пальцем в небо пафосно произнес я.

Работа еще не окончена. Нам еще село надо зачистить, а потом местных как-то вразумить и успокоить. И вообще, надо что-то решать с этой деревушкой, а то мы сейчас укатим по своим делам, а их тут всех порешат после нас к чертям собачьим. В общем дел еще навалом, успеть бы все разгрести.

Глава 6

Зачистка африканской деревни прошла гладко, подручные капрала Самни, охранявшие деревенских жителей, вполне логично рассудили, что все идет по плану, а значит во въехавших в деревню двух грузовиках их боевых товарищей.

Когда один грузовик остановился на площадке перед двумя большими сараями, а второй покати́л дальше, то пятеро легионеров совершенно спокойно подошли к машинам интересуясь на ходу за каким чертом их коллеги распоролы брезент тента над кабиной. Получить ответ на свой вопрос и удивиться они не успели, Бык положил их одной длинной очередью из пулемета, чей ствол торчал из брезентовой прорехи.

Мои бойцы высыпались наружу из кузова и с ходу принялись бегать по деревне проверяя дома в поисках еще троих легионеров. Как ни старался я криками их вразумить, чтобы они были осторожней и не забывали тех наставлений, что я им давал, ничего не помогло. Адреналин и боевой азарт бурлил в их крови, туманя разум и загоняя остатки здравого смысла на самые задворки сознания.

Обошлось, троица легионеров Самни оказалась еще тупее моих подчиненных – их взяли в тот самый момент, когда они втроем насиловали какую-то толстую негритянку необъятного размера. Вот охальники! Причем самое удивительное, что их жертва активно препятствовала их задержанию, требуя, чтобы они закончили свое непотребство. Чернокожая бабища настолько разошлась и раздухарилась, что ударом своего кулака вырубил одного из моих бойцов, если бы не Чак, который точный тычком приклада не уgomонил бы любвеобильную тетку, боюсь, что у нас бы появились первые боевые потери в этой операции. А так все обошлось, деревню взяли без шума и пыли. У нас двое легкораненых: один с вывихом ноги, второй с легким сотрясением. У противника: один «триста», трое пленных и шестнадцать двухсотых.

Для первого боя очень хороший результат. Да, мы заранее знали о засаде и на нашей стороне был фактор внезапности, но противник был намного лучше вооружен и гораздо опытнее нас. Капрал Самни поленился выставить боевое охранение, прикрыв свои тылы, за что и поплатился.

Так что можно смело сказать, что мои бойцы отработали на твердую «четвёрку» с плюсом. Если бы еще не тупили и не танцевали от радости во время перестрелки, то вообще цены бы им не было и можно было поставить уверенную «пятерку»!

– Молодцы! – похвалил я своих бойцов сразу после боя. – Хвалю! Бог вас любит. Сегодня мы сделали хороший поступок – убили исчадий Ада и спасли мирных людей. Причем хочу заметить, что легионеры под командованием капрала Самни были очень опытные вояки, прошедшие множество боев, но мы победили их, потому что вы слушались мои приказы и Бог был на нашей стороне. Помните, все кто будет мне верен, проживет долгую и счастливую жизнь, а те, кто меня ослушаются или предадут, то трех дней не проживут и сдохнут, заживо гноя от страшных ран и проказы!

Немного попугал доверчивых и легко внушаемых африканцев, суля им всякие кары за ослушание, потом произнес пламенную, духоподъемную речь. Похвалил особо отличившихся бойцов: Паспарту, Быка, Чака, Векесу и Удо, немного пожурил в шутливой форме двух подранков, а потом, как и водится провел награждение. Сделал все согласно канону – кнут, а потом пряник.

– Оружие, которое вы сегодня от меня получите, будет принадлежать вам навсегда, следите за ним и ухаживайте, тогда оно будет вам служить вечно, – величественно произнес я, потом достал из подсумка пачку итальянских лир и подозвал к себе Паспарту. – Раздай всем по десять тысяч, а себе, Чаку, Быку, Чаку, Удо и Векесе выдай по двадцать тысяч. Это премия за

сегодняшний бой! Молодцы! – еще раз похвалил я своих бойцов. – И не забудьте, что местных не кошмарить, за секс и еду платить, к алкоголю не прикасаться.

Когда освободили местных, то те на радостях чуть было не устроили массовую пьянку с обязательным вовлечением в этот балаган всех моих бойцов, а местные женщины чуть было силком не утащили меня в ближайший дощатый домишко, где хотели мне по очереди отдаться. Пришлось их утихомирить выстрелами в воздух, а потом долго и обстоятельно разговаривать с местным вождем, потом с шаманом, а потом еще и с каким-то седовласыми стариками. Это трындец какой-то, а не Африка. Они тут совсем от своей жары умишкой тронулись, макак чертовые!

В Африке отношение к сексу заметно отличается от европейского. Для многих жителей этого континента все события в мире связаны с природными циклами и ритуалами, а система размножения – это и есть один из главных природных циклов. У них тут разрешено и многоженство, и многожизие, и открыто иметь любовников, и... до хрена еще чего они тут в плане секса практикуют. Свободные отношения, мать их так. Поэтому у них тут СПИД и появился. А местной чернокожей бабенке переспать с белым, чтобы потом хвастать перед подругами вообще за радость, а если еще белый мужичок за это денежку даст, то вообще почет и уважение перед всей деревней.

Чтобы хоть как-то обуздать позитивный настрой местных, намекнул им что не плохо было бы вечером отобедать свежей дичью, местные мужчины тут же похватили какие-то луки, копья, самодельные дрободаны, пару ржавых китайских АК и собрались на охоту.

– Паспарту, – обратился я к своему верному помощнику, – бери с собой пару бойцов, грузовик и сгоняй в саванну настреляй антилоп, а то чую, что мы сегодня ужинать будем змеями или тараканам.

– Могу слона привести, – проявил инициативу Паспарту, – только пулемет надо взять и гранат побольше.

– Слона не надо, – тут же отрезал я. – Достаточно антилоп, коз, оленей. И возьми с собой кого-то из старейшин, узнай расклад сил в их деревне. Кто главнее: шаман или вождь? И что тут происходило за последние две недели? А то мне как-то не понятны пару моментов.

– Слушаюсь, командант! – козырнул мне Паспарту.

– Векеса показывай, что у нас по трофеям, – обратился я к седовласому ветерану, который теперь у нас в отряде был мой зампотылу.

– Командир тут есть странность одна, – нахмурился седовласый африканец.

– Какая?

– Один грузовик был полон разных охотничьих трофеев: слоновьи бивни и звериные шкуры. Это люди капрала Самни отобрали у местных, с этим все понятно. А вот во втором грузовике были ящики с оружием. Но не французским, а с советским.

– О, как! – удивленно присвистнул я. – Пошли поглядим.

Действительно в одном из грузовиков, на которых прикатил капрал Самни со своими отморозками был десяток ящиков, заполненных оружием: разномастные вариации АК, парочку ПК, столько же РПГ-7, патроны в запечатанных цинках, просто так россыпью и в пулеметных лентах, попало даже с десяток ППШ и ППС. Всё оружие было грязным и видавшем виды. Причем советского производства были только пистолеты-пулеметы времен ВОВ и РПГ с ПК. Калаша все были сплошь стран Варшавского договора и КНР. Хреново! Вот бы сюда советские АКМ! Да еще новенькие, со склада хранения! Я как представил себе, что достаю из ящика новенький, никем не пользованный АКМ или АК-74. Автомат пахнет новой вещью: запах лака, дерева и заводской оружейной смазки. Это аромат войны под названием одеклон «Победа». Красота!

– Да, странная находка, – нахмурился я. – У местных отобрали? Или с собой привезли?

– Думаю, что с собой привезли, будь у местных такой арсенал они бы так просто не дались бы. Скорее всего, Самни планировал потом всё это оставить в деревне, чтобы сложилось впечатление, что деревенские жители поддерживали Советы, ну и значит сами напали на легионеров из Франции.

– Векеса, а ты кем раньше трудился, больно умно говоришь в отличие от остальных? – хитро сощурился я.

– Учителем я был командант. А, что?

– Ничего. Это хорошо, что ты грамотный и умный. Что еще интересного нашел?

– Деньги. Причем одни и те же. И у легионеров в карманах были итальянские лиры и у местных они тоже поживились итальянскими лирами. Это как-то странно. Откуда здесь столько итальянских денег.

– Согласен, – кивнул я, – мне это тоже показалось странным. Где мы и где итальянские колонии в Африке?

Хотя, если разобраться, то в принципе тут нет ничего странного. Италия хоть и не была столь знаменитой колониальной державой как Франция и Англия, но у неё тоже были свои колонии в Африке. В 19 веке во всю бушевала колонизация европейскими странами других континентов. В основном главные территории были уже поделены между Великобританией, Францией, Испанией и т.д. Но, к несчастью, Италия не смогла ворваться в этот пик колонизации. Так как в Италии шёл долгий процесс объединения страны, и вопрос о колонизации даже не обсуждался.

Сразу же после завершения объединения страны, итальянцы взрываются в гонку колонизации. Но существовала небольшая проблема в том, что все лакомые кусочки уже были давно поделены. А земли, которые не были захвачены уже входили в сферу влияния многих держав.

Италии приходится рассчитывать только на те земли, которые не нужны другим колониальным гигантам, а таких земель оставалось в мире мало.

В 1869 году Италия приобретает порт на Востоке Африки. После приобретения итальянцы захватывают всё побережье Эритреи. Следующим приобретением итальянцев стала бедняцкая Сомали.

Но главной целью Италии стала пограничная Эфиопия, которая ещё являлась независимой от других стран. Король Эфиопии не из простых людей и просит поддержку у других стран.

В 1895 году Российская империя начинает оказывать Эфиопии поддержку в виде поставки оружия и боеприпасов, а также военных советников. В итоге была защищена независимость Эфиопии. Русские, между прочим, нахлобучили тогда итальяшек!

Италия решает отступить и захватывать территории уже на Западе Африки. Целью были выбраны земли Османской империи в Ливии. Так как османы были самым слабым противником в Африке. Война продолжалась около года, и Ливия была покорена Италией.

После Первой мировой войны Италия по мирным договорам увеличивает свои земли в Европе и в Сомали. Когда приходит к власти Муссолини, Италия возвращается к эфиопскому вопросу и успешно захватывает её.

Во времена уже Второй мировой войны Италии удаётся оккупировать многие земли союзников в Африке. Но по завершению войны, Италия теряет все территории, которые у неё были вне Европы. Официально теряет, а не официально сохраняет свое присутствие во всех этих странах.

Ну и опять же после того, как из Африки официально «ушли» все колониальные державы в 60-ых года, то многие европейские державы решили проверить «на слабо» новые независимые страны Черного континента. Думаю, итальянские добывающие компании были не прочь поучаствовать в разграблении недр Африки.

Это против СССР, все эти европейские страны вроде как заодно, образуя военный блок НАТО, а между собой грызутся как голодные собаки, нашедшие труп дохлого козла. Глав-

ное для всех этих буржуазных, империалистических шавок – это бабло, финансовая выгода и маржа!

На упаковке всех банковских пачек стоял один и тот же штамп, это говорило о том, что деньги, которые мы нашли у легионеров Самни и деньги, отобранные у местных жителей, были выданы в одном банке. Удивительное совпадение.

– Я пойду трясти Самни, а ты к шаману с вождем, расспроси у них откуда лиры и что здесь вообще происходило за последнее время, а то как-то события слишком круто закрутились. Отдай все награбленное легионерами обратно местным, скажи нам чужого не надо, мы не грабители, а честные воины. Думаю, это поможет наладить общий язык с местными.

– Слушаюсь, командант.

Помимо засранных в хлам убогих копий АК, среди трофеев обнаружился приличный арсенал французского оружия и боеприпасов к ним. Причем БК было намного больше, чем положено по штату, одних только винтовочных гранат было больше тысячи. Похоже Самни планировал сделать оружейный схрон на будущее. Из карманов пленных и раненых вытащили в общей сложности около двух миллионов итальянских лир, десять тысяч французских франков, пару сотен американских долларов и приличный жмак разномастных, африканских денег, среди которых нашлась даже советская десятирублевая банкнота.

И кстати, ботинки все-таки я сменил на новые, которые снял с одного из пленных, они у него были не уставные, явно сшитые на заказ из хорошей кожи. Ноги сели как влитые, будто бы под меня обувку и шили. Ни что так не радует сердце военного человека, как хорошая и легкая обувь на ногах.

Допрос Самни занял довольно много времени, надо отдать должное, капрал держался очень хорошо. Несмотря на рану и полную мою свободу действий в отношении допрашиваемого, капрал стойко переносил все мои пытки. Честно говоря, я не особо изощрен во всех этих допросах с пристрастием, может как-то надо было его яйца пассатижами рвать или зубочистки под ногти пихать, а я просто бил его по морде и требовал, чтобы он рассказал смысл всего происходящего. Помогало это не очень, Самни сплевывал кровавую юшку и методично посылал меня в жопу. Не знаю сколько бы эта мутотень продолжалась если бы не подошедший Бык, который видя, что ничего не получается решил подсобить мне.

– Командант, а может его местным отдать, они на него зуб точат, мужчины хотят за своих жен покататься.

– В смысле? – переведа дух, спросил я.

– Ну, он и его люди женщин местных насиловали, а теперь местные мужчины хотят Самни и его людей оттрахать. Даже денег нам за это предложили, вот я и пришел у вас разрешение спросить.

– Ни хрена себе порядочки, – потрясенно прошептал я. – Самни, ну что будешь говорить или тебя местным отдать, чтобы они тебе задницу разворотили?

– Не надо, я все скажу, – устало прошептал капрал.

– Жаль, очень жаль, – разочарованно буркнул Бык, – а можно хотя бы трупы легионеров местным продать?

– А трупы им зачем? – нахмурился я.

– Так за тем же самым, чтобы за жен отомстить, – глядя на меня как глупого мзунгу ответил Бык.

Мзунгу – это у африканцев в той местности, где я сейчас нахожусь такое обозначение белых. Дословного перевода нет. Каждое племя толкует это слово по-своему. Кто-то считает, что мзунгу – это «странник», кто-то что это «белый», а кто-то и прямо говорит, что мзунгу – это «глупый белый», который ни хрена не соображает в жизни. Для черных, мы белые люди часто выглядим глупыми, потому что не понимаем очевидных вещей. К примеру, если одну козу в стаде может трахать несколько козлов по очереди и это будет только на пользу всему

стаду, то почему белые люди придерживаются каких-то там норм морали. Ведь нормы морали против правил и законов природы.

– То есть, местные мужчины хотят насилловать трупы? – брезгливо сморщившись, уточнил я.

– Ага, – простодушно кивнул Бык.

– Нет, это нельзя делать, – категорично ответил я, – скажи местным, что легионеров мы убили в бою, а значит они попадут на тот свет как воины и нельзя их тела насилловать, иначе Боги к нам на Земле будут относиться с подозрением. Понял? Удача может отвернуться от нашего отряда. Оно нам надо?

– Нет не надо! – тут же остервенело замотал головой Бык, проникнувшись всей серьезностью ситуации.

– Тела всех легионеров собрать и погрузить в грузовик, увезем с собой от греха подальше.

– Слушаюсь.

Вот в этом все африканцы. Для них насилие и грубость выглядит не так, как для белых. К примеру, смерть и предсмертные муки посторонних людей могут вызывать у них смех и улыбку на лице. Зато они до дрожи в коленях боятся прогневать богов, даже тех в которых не верят. Все эти тонкости и нюансы надо учитывать, чтобы лавировать в этом сумасшедшем мире Африканского континента. Все-таки Африка не для белых, уж точно не для смиренных, мягкотелых, толерантных терпил. Здесь всегда нужно держать в одной руке кнут, а в другой либо второй кнут, либо пряник. С двумя пряниками, как делают советники из СССР ни хрена на Черном континенте, не добьешься, тут надо всегда во второй руке иметь кнут. Поэтому, когда я соберу всю нужную мне информацию и составлю полную картину о происходящих событиях в этой деревне, то обязательно выкачу местной общине счет за спасение от тотального истребления. Вон у них целый грузовик охотничьего барахла легионеры Самни набрали, так что у деревни есть чем с нами расплатиться. Только в отличие от Самни и его людей мне местные заплатят с радостью, потому что я сделаю все по-честному.

Рассказ Самни немного поверг меня в шок, я никак не ожидал услышать, то, что рассказал мне капрал.

– Харза сговорился с макаронниками пару недель назад, – начал свой рассказ Самни, – они хотят тут начать разработки, наши тоже хотели, но наши очень медленно работают, пока то, пока сё, а макаронники живыми деньгами заплатили, причем так не слабо.

– Что можно купить за миллион лир?

– Новую легковую машину можно купить, – раздраженно кивнул Самни, – я так и хотел со своей долей поступить.

– Ну, а дальше, то что?

– Я и еще часть легионеров хотели уйти из Легиона, Харза обещал, что обеспечит нас работой и поможет с новыми документами.

– Что должны были делать в этой деревне?

– Всех убить, оставить после себя советское оружие, чтобы подумали, что деревенские сотрудились с «советами».

– Дальше?

– А, что дальше? Тебя и твою банду планировалось убить из засады и выставить всё таким образом, что это местные сделали.

– Не понял, а кто местных бы уничтожил?

– Вы бы и уничтожили, – пожал плечами Самни. – Вы приехали в деревню, согнали всех баб и детишек в сарай, сожгли бы их, а местные мужчины, неожиданно вернувшиеся с охоты, убили бы вас, а мой отряд, который по своим делам случайно проезжал мимо заметил дым от пожара и прибыв на место в ходе перестрелки убили всех местных мужчин. Всё!

– Красавцы! – саркастически прокомментировал я. – А по репутации легиона этот фокус не ударил бы, все-таки получалось, что группа французских легионеров просто так взяла да сожгла целую толпу баб, стариков и ребятишек. Международный скандал был бы.

– И на это в том числе был расчет, – кивнул Самни. – Майора Сивонье и капитана Шлинке, который в этот момент был командующим базой после такого точно бы сняли. А кто у нас следующий по званию?

– Харза, – потрясенно произнес я. – Вот сука! Он что всё это замыслил только чтобы продвинуться по карьерной лестнице?

– Вроде того, – пожал плечами капрал, – Харза хотел стать командиром базы, а потом все сделать так, чтобы Легион убрал базу отсюда. Тогда бы весь регион ушел бы под макаронников. За это итальяшки обещали капитану очень большие деньги и виллу на Сицилии.

– А как Харза мог поспособствовать уходу легиона отсюда? – удивился я.

– Легион уходит из тех мест, где его регулярно хлабучат. Если бы начались потери со стороны личного состава, регулярные обстрелы базы и так далее, то легион, скорее всего, ушел бы из этого региона, свернув базу.

– А твои люди как раз и должны были стать тем самым раздражающим фактором, который бы постоянно кошмарил базу легиона.

– Да.

– А не стыдно воевать против своих же?

– Нет. Легион уже не тот, раньше в нем были только белые, причем правильные белые. А сейчас, вон даже черножопых макак набирают. Мне эти чернокожие свинье не свои! Ясно?! – Самни буквально выплюнул мне в лицо последние слова.

– Ясно, – довольно хмыкнул я. – Пойду проверю твои слова, поговорю с другими легионерами. Послушаем чего они расскажут.

Допрос с пристрастием остальных легионеров подтвердил слова Самни, троица связанных, перепуганных мужиков утверждала, что они пошли на поводу у Самни и ничего плохого делать не хотели, их всего лишь заставили и сманили легкими деньгами. При этом все трое в один голос утверждали, что о дальнейших планах по нападению на базу Легиона, где они сами проходили службу, слухом не слыхивали и на такое коварство и подлость не подписывались.

– Ладно, посидите пока, пойду с местными поговорю, узнаю их версию происходящего, вдруг она отличается, – хмыкнул я на прощание и пошел искать вождя и шамана племени.

Активная фаза штурма деревни окончена, сейчас предстоит изнуряющая интеллектуальная работа, которая выматывает похлеще беготни и стрельбы из винтовки.

Глава 7

Ш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.